

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Вендетта по-русски

∞

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Марина Крамер
Черная вдова.
Вендетта по-русски
Серия «Черная вдова
Марина Коваль», книга 8

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182292

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36096-3

Аннотация

Тихая жизнь в Англии. Бизнес в Бристоле. Рядом подрастающий сын и преданный любовник. И – тоска, непреодолимая тоска по родине, стремление навестить могилу любимого мужа... Вот так живет теперь Марина Коваль. И когда желание побывать в России становится невыносимым, Наковальня все же отправляется туда, взяв с собой, разумеется, близкого друга Жеку Хохла и маленького Егорку. Однако теперь опасность грозит не ей, а Хохлу. Впервые в жизни Коваль понимает, что это такое – ответственность за судьбы других людей...

Содержание

Часть I	7
Три года назад, Россия	7
Три года спустя, Бристоль, Англия	27
Три года назад, Россия	46
Три года спустя, Бристоль, Англия	60
Три года назад, Россия	81
Три года спустя, Англия	95
Три года назад, Россия	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Марина Крамер

Черная вдова.

Вендетта по-русски

– Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... – привязчивая мелодия отдается в мозгу, висит на кончике языка, то и дело соскакивая, как конфетка-драже.

– Ма-а-ам! Хватит! – недовольный детский голос из соседней комнаты.

– Хорошо, милый, я уже перестала.

Коротко стриженная брюнетка встает из кресла-качалки на балконе, тушит в пепельнице сигарету и возвращается в просторную спальню. Черные смятые простыни напоминают о бурно проведенной ночи, на тумбочке – пустая бутылка из-под текилы и стакан с отпечатком красной помады. Женщина падает поперек постели, закинув за голову руки, и закрывает глаза. По лестнице кто-то поднимается, слышны твердые, уверенные шаги.

– Еще не вставала? – Возмущенный мужской голос выдерживает из охватившей все тело неги.

Женщина не открывает глаз, чувствуя, как рядом на кровати опускается такой родной и любимый человек, как его руки касаются лица, убирают со лба челку.

– Не надо, Джек...

– Господи, да ты хоть наедине не зови меня этой собачьей кличкой! – В голосе мужчины звучат недовольные нотки.

– Не могу, уже привыкла.

– Маринка, котенок... – начинает он, но женщина проворно переворачивается на живот и впивается в его рот поцелуем, не давая продолжить.

– Я Мэриэнн, дорогой... ты оговорился, да?

– Все, на хрен! Не могу больше! – Мужчина выворачивается из ее объятий и встает, распахивает окно настежь и морщится. – Проклятая страна, проклятый город, проклятый дом! Ненавижу это все!

Из их окна хорошо виден собор – величественное серое здание из камня, украшенное крошечными скульптурками святых. И сегодня вид его особенно раздражает мужчину. Этот собор – слишком местный, слишком не такой, как церкви на его родине, слишком английский. Как и вообще все здесь...

Брюнетка садится к самой спинке кровати, поджав под себя ноги, берет сигарету:

– Успокойся, Хохол. Можно подумать, мне тут отлично! Но я терплю. Между прочим, именно ты притащил меня сюда.

Он резко разворачивается, в глазах едва сдерживаемая ярость.

– Да! Это я сделал, я! И только поэтому ты еще жива, ты – и наш сын!

Она сникает. Да, сын... сын, пятилетний Грегори. Егорка. Он сидит сейчас в своей комнате и гоняет по монитору компьютера танки. Если бы не сын, давным-давно бы все было по-другому...

Часть I

Спасти самое дорогое

Три года назад. Россия

– Тихо, не ори! – Хохол резко встряхнул плачущего Егора, цеплявшегося за его спортивные брюки. – Иди к Даше, не мешай мне!

Мальчик обиженно всхлипнул и заковылял в сторону двери. Хохол даже не встал из-за стола, только покачал головой и продолжил перебирать бумаги. От цифр и непонятных слов болела голова, рябило в глазах, он совершенно ничего не понимал в этих отчетах, акциях и банковских счетах, но привлечь никого не мог – никто не должен знать. Зажмурился и сжав пальцами переносицу, Хохол откинулся на спинку кресла и замер. Через час нужно позвонить в больницу Валерке, их «штатному» доктору, узнать, как дела у Марины, а сил нет. Страшно... так страшно, как никогда не было, даже на зоне, даже потом, когда смотрел в лицо смерти. Страшно, что во время очередного звонка Кулик произнесет фразу типа «Жека, я сделал все, что мог...». Нет, нельзя об этом, нельзя – Ветка, чертова ведьма, всегда говорила, что мысли материализуются. Даже она не в курсе, что

Марина жива, даже домработница не знает, так и считает, что две недели назад похоронили они Марину Викторовну, а Егорка теперь сирота. Но так надо, потому что все еще жив брат Ашота, «заказавший» Наковальню. И этим тоже придется заняться ему, Хохлу, – потому что он мало кому может довериться. И еще так хочется заехать в больницу, хоть на секунду, просто посмотреть на Марину, коснуться ее щеки, пусть даже она не почувствует, не поймет... Но и этого нельзя. Хотя...

Решение созрело моментально – раз он не может пойти в больницу открыто, значит...

Услышав шум в кабинете на втором этаже, Даша, сунув Егора сидевшему на кухне охраннику Аскеру, бросилась туда и обнаружила Женьку, лежащего на полу.

– Господи, что случилось? – Она присела около корчившегося на ковре Хохла, и тот простонал:

– Прихватило что-то... болит – сил нет...

– Я сейчас Валерию Михайловичу позвоню, – заторопилась домработница, но Хохол поймал ее за брючину:

– Не надо его дергать... пусть пацаны машину выгоняют, сами поедем... Данила с тобой останется...

– Да, хорошо.

Даша побежала вниз, а Хохол сел на полу, спокойно дотянулся до пачки сигарет, закурил, прислонившись к ножке стола. Ну, да, обманул доверчивую Дашку, а что делать? Все должно быть натурально.

Через час он уже лежал на кушетке в приемном покое и делал вид, что вот-вот умрет от боли. Возле него стояли трое охранников и девочка-регистратор, заносившая данные в историю болезни. Наконец появился и Кулик, мельком глянул на искаженное мученической гримасой лицо пациента и распорядился:

– Сразу в хирургию, будем наблюдать.

– Пацаны... домой езжайте... – пробормотал Хохол. – С Дашки и Егора глаз не спускать – порву!

– Да поняли мы, Жека, – отозвался худой, черноволосый Аскер. – Доктор, а он – надолго?

– В смысле? – не понял вопроса Кулик.

– Ну, Петрович наш надолго здесь?

– А-а! Это как пойдет. Если аппендицит – прооперируем, недельку полежит, если другое что – будет видно. Но в любом случае сегодня он здесь останется, мало ли.

Охрана покинула приемный покой, а Хохла уложили на каталку, и две молодые санитарочки с трудом покатали ее в хирургию.

– В сорок пятую его, в двухместку, – распорядился шедший следом Кулик. – Перекладывайте, я сейчас зайду.

Он удалился в ординаторскую, а Хохол, которого девчонки ввели в пустую палату, сказал:

– Не надсаживайтесь, я сам, – и перебрался на кровать.

Оставшись один, он встал, прошелся туда-сюда по чистой,

прохладной комнатке, потом приник ухом к стене – там, справа, в большой одноместной палате лежала Марина. Кулик организовал все очень грамотно, никому из персонала и в голову не приходило, что это та самая Наковальня. Она лежала под чужой фамилией, обрита наголо, похудевшая уже до неузнаваемости, с забинтованным лицом – на всякий случай. Но была жива – и на остальное Хохлу наплевать, только это важно.

За стеной ничего не происходило, никаких звуков не слышалось, да и как могло – Марина без сознания, шуметь некому. Дверь открылась, и в палату вошел Валерка, укоризненно покачал головой:

– Зачем встал?

– Не гони, Валера, со мной все в порядке.

– Я тебе покажу – в порядке! – загремел Кулик, поняв, что его провели. – Зачем приперся?!

– Валерка... я не могу... ты не представляешь, что это такое – знать, что она есть – и не видеть ее.

– Да?! А зачем тогда ты все это замутил?! – зашипел Кулик, приближаясь к нему вплотную. – Я каждый день вынужден объясняться с главным врачом по поводу того, что у меня в одноместке лежит невесть кто!

– Деньги-то я проплатил – пусть твой главный заткнется! – перебил Хохол, зло сверкнув глазами.

– Ты же понимаешь – то, что упало в больничную кассу, нашего главного волнует мало, – вздохнул Валерка, садясь

на стул у окна.

– Я понял, – кивнул Женька. – Завтра пацаны привезут – отдашь ему, скажешь, нашлись родственники, но приехать не могут. И пусть больше рот не разевает, иначе грохну.

– Если бы все в жизни решалось так просто! Ну, что – пойдем? Сейчас у сестер пересменок, в коридоре никого, тебя не увидят. Ты ж на ночь собрался остаться, насколько я понимаю? – Хохол кивнул. – Ладно, придумаю что-нибудь, чтобы вас не трогали.

Кулик поднялся и пошел к двери, Женька проследовал за ним. Почти бесшумно он проскользнул за Валеркиной спиной в соседнюю палату, защелкнул замок и только после этого, набрав в грудь воздуха и выдохнув, повернулся к стоящей почти у самого окна кровати. Маринина голова была повязана белой косынкой, глаза, обведенные темными кругами, закрыты, ресницы чуть подрагивали. Обе руки привязаны к раме кровати, и эти брезентовые ленты привели Хохла в ярость. Он распутал узлы, освобождая тонкие запястья, взял правую руку в свои, поднес к губам:

– Котенок мой... здравствуй, любимая... это я, Женька.

Она не отреагировала, но Хохлу это было неважно, он и не ждал. Главное, что она жива, пусть пока и не отвечает, не видит, не разговаривает.

До самой ночи Хохол возился с Мариной, менял постель, умывал, обтирал губкой. Часов около десяти зашел Кулик, осмотрел пациентку и сам подключил капельницу с белко-

вой смесью.

– Валерка, что ж она так похудела? – грустно спросил Хохол, наблюдая за тем, как раствор каплями падает в прозрачную трубку, а из нее стекает в подключичный катетер.

Кулик промолчал. Спорить с Хохлом и возражать бесполезно – когда дело касалось Марины, тот вообще терял способность рассуждать здраво. Посидев еще немного, Валерка ушел к себе в ординаторскую, а Хохол осторожно прилег на край широкой кровати, обнял неподвижное тело Марины, уткнулся лицом в шею и застонал от собственного бессилия.

– Маринка, прости меня... не сумел тебя закрыть, не просчитал, не подумал... но косяк я исправлю, не успокоюсь, пока не накажу этого барана.

Ответа не было, Марина только судорожно вздохнула, и Хохол нежно поцеловал ее куда-то за ухо, поправил рукой сбившуюся косынку.

– Дома все хорошо, – продолжил он шепотом так, словно до этого у них шла оживленная беседа. – Егорка только плачет по ночам, спит со мной в спальне. Потерпи немного, котенок, я все устрою, и мы уедем. Ты поправишься, вот увидишь... все будет хорошо, Егор вырастет, в школу пойдет... И ты опять будешь самой красивой женщиной на свете, Маринка...

Хохол шептал ей это на ухо и чувствовал, как ее сердце бьется чаще. Значит, слышит.

– Господи, Коваль... если бы ты только знала, как мне

страшно... Как я боюсь потерять тебя, как боюсь, что никогда уже ты не будешь такой, как была... Хотя это не главное – лишь бы ты была, просто была – и все, мне больше ничего не надо. – Он гладил пальцами ее лицо и едва не плакал от захлестывающих эмоций.

Если бы было можно, он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь за нее, только чтобы она не лежала вот так безмолвно и безучастно, чтобы снова улыбалась и орала на всех, наводя ужас на охрану. Он воскрешал в памяти каждый миг, когда был с ней, каждый взгляд, вздох, каждое слово. Если бы вернуть назад тот злополучный день, ту секунду, что разорвала все надвое...

«А горцев я все равно в распыл пушу, – продолжил Хохол свой монолог уже про себя. – Это несложно – надо только выследить Реваза. И тогда... мне даже Вилли не будет нужен».

Он уехал из больницы сразу после обхода – за ночь ему «стало лучше», и Кулик «счел возможным» отпустить его домой. Аскер привез конверт с деньгами, который Хохол опустил в карман халата Валерки. Тот понимающе кивнул.

Сев в машину, Хохол велел ехать к Бесу. Сидящий за рулем Степан удивился:

– Чего мы у него забыли?

– А я не успел тебе отчитаться? – рявкнул Хохол. – Совсем распустились! Думаете, если хозяйки нет, так все можно?! Теперь я вам хозяин!

– Ладно, не ори, Жека, – миролюбиво вмешался Аскер. – К Бесу так к Бесу.

До поселка ехали молча, Хохол постоянно курил, пытаясь представить разговор с Веткой. Как сделать так, чтобы она поверила и не протрепалась никому, даже собственному мужу? По опыту Хохол знал, что из Ветки что угодно можно вытрясти с помощью всего двух ударов кулаком. Правда, по-настоящему влюбленный в Ведьму Бес вряд ли пойдет на такие крайние меры, однако...

К счастью, Беса дома не оказалось, Ветка была одна, сидела на балконе второго этажа и читала что-то. В руке дымилась неизменная коричневая сигарка. Хохол не понимал эту ее манеру курить сигары, было в этом что-то странное, вызывавшее в нем чувство неприязни. Курящие женщины его не раздражали, Коваль вообще в последнее время не выпускала из пальцев сигарету, но Веткины сигары бесили.

Заметив въехавшие во двор машины, Ведьма вскочила из кресла и скрылась в доме, а буквально через несколько минут возникла на крыльце.

– Жень!

На ее кукольном лице читалась непонятная Хохлу радость. Можно подумать, она искренне хотела его видеть и была в восторге! Если бы не Марина, ноги его не было бы в этом доме.

– Где же ты пропал, Женька? – стрекотала меж тем Ветка, схватив его под руку и увлекая за собой в гостиную. – Не

звонишь, не заезжаешь... Как Егорка?

– Плачет, – буркнул Хохол, садясь в кресло в прохладной комнате. – Попить налей – жарко.

Ветка метнулась к двери, крикнула домработнице, чтобы принесла минералку, потом развернулась и вперила в лицо Хохла прозрачные голубые глазищи:

– Церемония приветствия закончена. Говори, зачем приехал.

– К тебе.

– Ну, догадалась, что не к мужу моему, – фыркнула она, не трогаясь с места и продолжая вглядываться в наливающиеся кровью глаза Женьки. – Что ты хочешь?

– Помощи. Мне больше не к кому обратиться, и к тебе не пошел бы, но выбора нет, – вздохнул он и замолчал – на пороге показалась молоденькая девушка с подносом, на котором возвышались запотевшая бутылка минералки и стакан.

Домработница опустила поднос на столик возле кресла, в котором сидел Хохол, откупорила бутылку и налила пузырящуюся жидкость в стакан.

– Я нужна еще, Виола Викторовна?

– Нет, Настя. Григорий Андреевич приедет поздно, ужинать мы будем сами. Когда закончишь все свои дела, можешь ехать в город, если хочешь.

Девушка ушла, а Хохол залпом влил в себя минералку и, отставив стакан, попросил:

– Сядь, не отсвечивай. И глаза не пяль – бесполезно. Если

не захочу, чтобы ты знала, так и не заставишь.

Виола коротко хохотнула, но буравить Хохла глазами перестала, села в кресло напротив и закинула ногу на ногу.

– Так я слушаю.

– Словом... Ветка, мне нужна твоя помощь, иначе... иначе Коваль умрет по-настоящему, – выдохнул Женька.

Виола подалась к нему и прошипела:

– Спятил, болезный?! А кого мы похоронили две недели назад, не Коваль твою разве?!

– Т-с-с! Тихо! – Он метнулся вперед и закрыл ее рот ладонью. – Никто этого не знает, только я, доктор и человек, помогавший мне гримировать труп. Ты – четвертая, но если появится кто-то еще – будешь первой, кого я грохну, усекла?!

Зная, что Хохол может шутить чем угодно, кроме обещания убить, Ветка замолчала и кивнула.

– В общем, так. Маринка в коме, под чужим именем, лежит в хирургии у Валерки. Похоронил я проститутку, выпавшую из окна, загримировали ее с Вилли, одели – и порядок. Теперь мне нужно вывезти Коваль из страны, совсем увезти, понимаешь? – Хохол посмотрел на Ветку, и та кивнула. – Но пока я тут все дела переделаю, она у меня умрет в этой больнице, ей уход нужен, а я не могу никому это поручить, и сам не могу туда приезжать – сплю ее и сам сплуюсь. Я сегодня там ночевал, так для этого пришлось приступ аппендицита изобразить... чего ты ржешь, дура? А как еще я мог туда по-

пасть?

Ветка хохотала, скорчившись в кресле, и Хохол тоже не выдержал, фыркнул.

– Ох, аферист ты, Женья! – выдохнула наконец Виола, перестав смеяться. – Но как ты одурачил всех, а? Ведь Колька, племянник-то, на похоронах был и Мышка... Да и я ничего не заподозрила, хотя было у меня ощущение, что Маринка не умерла, вот прямо до сегодняшнего дня я чувствовала, что она жива.

– Ну, ты у нас на то и Ведьма, – поддел Хохол.

– Ой, да ладно! – скривилась Ветка. – Значит, сумел все-таки убедить всех, что ее убили... Молодец... а дальше что?

Хохол тяжело вздохнул. У него был план, но на его осуществление нужно было время, а с этим, как всегда, проблемы. Вывезти Марину в Англию, как он планировал, большого труда не составило бы, но потом ему пришлось бы возвращаться сюда, чтобы закончить все дела, связанные с продажей домов, корпорации, фирмы. А это означало – оставить Коваль и ребенка одних в чужой стране, с чужими людьми. Поэтому уезжать нужно только всем вместе.

– Ладно, не хочешь говорить, тянуть не стану, – сказала Ветка, беря сигару и щелкая обрезалкой. – Только не пойму, чем я могу тебе помочь?

– Я прошу тебя побыть с ней в больнице. Я не могу доверить ее чужим людям, Ветка, пойми. Никому, кроме тебя, я не могу позволить прикасаться к ней.

– Хорошо, – без колебаний согласилась она. – Сведешь меня с доктором, я ему все объясню, договорюсь, что и как, узнаю, что нужно.

– Спасибо, Ветка, – прочувствованно сказал Хохол, взяв ее за руку.

– За что спасибо? За то, что единственную подругу не брошу? – усмехнулась она. – Расскажи-ка лучше, как сам-то? Как живешь?

– Да не живу я, Ветка, – вздохнул Хохол, пряча глаза. – Как я могу жить, когда она – такая? И пацаненок извелся... ревет ночи напролет – «мама, мама»... прижмется ко мне и плачет, а у меня внутри все переворачивается... Быстрее бы все прекратилось, я увез бы их, начали бы жить по-другому. Без этих ее вечных разборок, стрелок, всего остального... Захочет работать – купим ресторан, пусть занимается. А не захочет – еще лучше, будет Егора воспитывать, денег полно – еще внукам хватит.

– И я больше никогда вас не увижу? – тихо спросила Ветка, сжимая его руку тонкими пальчиками. – Женя... неужели никогда?

– Почему? Приедешь к нам. Да погоди ты реветь, еще никто ничего не решил, Маринка в больнице... ну, чего ты, дурочка? – Он прижал плачущую Ветку к себе, погладил по плечам. – Все, успокойся.

– Да-да, – пробормотала она, вытирая слезы широким рукавом шелкового халата. – Тогда я прямо сегодня к вечеру

в больницу поеду, сейчас только по дому распоряжусь. И к вам приеду на днях, проведу.

– Да, приезжай.

Машины выехали из ворот и направились в сторону особняка Наковальни, расположенного через четыре улицы. Поселок выглядел пустынным, днем здесь вообще было мало народа, все уезжали в город, только изредка перед каким-то домом во дворе можно было увидеть гуляющих с нянями ребятшек. Вот и своего сына Женьку обнаружил в песочнице у дома, сосредоточенно ковыряющего лопаткой песок. Рядом сидели няня Наталья Марковна и охранник Данила.

– Егор, папа приехал, – окликнул занятого делом мальчишка Данила, но Егор не отреагировал, а продолжил свое занятие. – Смотри, говорю, папа вернулся, – охранник подергал его за рукав синей ветровки, и Егорка, схватив лопатку, замахнулся:

– Нет! Папа – нет! Мама! Ма-а-ма... – И, отбросив игрушку, мальчик залился слезами, размазывая их по лицу грязными ручками.

Хохол выбросил сигарету и подошел к песочнице, строго глянул на ревущего сына:

– А ну, прекрати! Ты мужик или нет?

– Муузиик... – провыл Егорка, подняв на отца испачканное личико.

– А раз мужик, так и не ной! Уехала мама, скоро вернется! И если узнает, что ты тут соплями все заливал каждый день,

ей это не понравится, понял? – Хохол присел на корточки и притянул всхлипывающего сына к себе. – Ты понял? И еще – если еще раз ты замахнешься на Данилу лопатой, я тебя накажу, слышал?

Егорка насупился, но согласно кивнул головой.

– Вот и хорошо. Пойдем домой, будем обедать и спать.

Не то чтобы Егор хотел есть и спать, но и сказать свое неизменное «нет» отцу тоже не посмел. В последнее время Хохол стал скор на расправу, мог и по попе шлепнуть, несмотря на то что Марина всегда была категорически против подобных воспитательных мер. Однако сегодня ничего не потребовалось – Егор спокойно поел, сидя в своем стуле и зажав в кулаке ложку, а потом так же спокойно дал няне увести себя наверх. Хохол остался в кухне с Дашей, Данилом и Аскером. Мужчины молча обедали, Даша смотрела в окно, вытирая бегущие по щекам слезы. Она вообще стала часто плакать в последнее время, могла забыться у плиты и проворонить готовящийся обед или сжечь в угли пирожки в духовке. Женька видел это, понимал причину, однако даже намекнуть домработнице, что Марина жива, не мог.

Доев борщ и отказавшись от второго, он пошел в кабинет, замкнулся там и позвонил частному детективу Ивану Сорокину. Этот молодой, но очень способный парень однажды помог Марине выпутаться из одной истории, в результате чего Коваль обзавелась сыном и решила свои проблемы. Теперь помощь Ивана требовалась Хохлу. Обговорив детали,

Женька немного расслабился – в том, что Сорокин сделает все так, как нужно, он был уверен.

Сейчас не помешала бы рюмка-другая водки, чтобы уж совсем сбросить напряжение и уснуть, но нельзя. Во-первых, должна позвонить Ветка, а во-вторых, Хохол боялся пить, чтобы не сорваться. Он вообще старался не пить, если была возможность, потому что легко переходил ту грань, где кончается простое расслабление и начинается двухнедельный запой. А он не мог себе позволить выпасть из жизни на две недели, это сейчас чрезмерная роскошь. Потом, когда все образуется...

Он лег на диван прямо в кабинете, вытянулся всем телом и расслабился. Уснуть не удалось – стоило только закрыть глаза, как перед ним возникала Коваль, ее улыбка, глаза. В такие моменты Хохлу казалось, что он слышит ее голос, смех, чувствует, как она прикасается к нему, целует, прижимается грудью. Эти видения бывали настолько реальными, что Женька шарил рукой по дивану в надежде, что это ему не кажется, что стоит только открыть глаза – и рядом будет Марина, живая и здоровая, такая, как всегда. И как же больно бывало потом...

Спустя неделю в дом пожаловала гостя. Тяжелые ворота поехали в сторону, у Хохла от неожиданности отвисла челюсть и пропал дар речи. Перед ним стояла... Марина.

– Ма-а-ама! – не своим голосом закричал Егорка, шустро выбираясь из песочницы, и только сейчас Женька понял, что перед ним не призрак, а всего лишь Мышка в неизменных черных джинсах и кожаной куртке...

Мальчик, подбежав ближе, тоже узнал Машу, остановился и заревел так обиженно, что у Хохла кольнуло в груди.

– Егор... не плачь, маленький, это же я, Маша. – Мышка присела на корточки, бросив на землю спортивную сумку, и притянула ребенка к себе. – Не плачь, детка, ну, что ты...

– Мама! Мама... нету, – проревел Егор, прижавшись к Мышке и обхватив ее за шею.

– Знаю, маленький, – Мышка вздохнула и поправила Егору задравшиеся джинсы. – Привет, Женя. – Она подошла к Хохлу и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку.

– Сдурела? – мрачно поинтересовался он. – Я чуть кони не двинул... Хоть бы для приличия чего другое натянула...

– Прости. Не подумала...

– Ты чего приперлась-то? – «гостеприимно» спросил Хохол, и Мышка слегка обиделась:

– Не приперлась, а приехала. Вас поведать. Мои в Турцию улетели, мне туда нельзя, ну, я на самолет – и к вам...

– Ну, идем в дом, что ли... – вздохнул Женька, подумав, что визит подруги очень не вовремя. С одной стороны... Но с другой...

Приезд Мышки мог оказаться как нельзя кстати. Она все-таки врач, свой, надежный человек, а Ветка как раз вчера

намекнула, что Бес не на шутку заинтересовался ее отлучками среди дня без охраны... Выходило, что Мышка появилась как раз в нужный момент. Взвесив мысленно все за и против, Хохол снова шумно вздохнул и решительно сказал:

– Идем, Машка, разговор есть.

Рядом с Егором моментально вырос его личный охранник Гена, высокий, худощавый, темноволосый мужчина лет сорока пяти. Егорка широко улыбнулся, задрал голову так, что с нее свалилась белая бейсболка. Гена молча подобрал ее и вернул на место. На левой руке охранника, несмотря на теплую погоду, была черная перчатка. Протез. Хохол, понимая, что более надежного человека, чем бывший спецназовец, ему не найти, приставил его к сыну, и теперь мужчина почти неотлучно находился рядом с Егором. Отсутствие руки не лишило Генку осторожности и чутья.

– Гена, мы поговорим с Машей недолго, побудь во дворе, – попросил Женька, провожая гостью в дом.

Гена только хмыкнул – он и без Хохловых просьб не спускал глаз с Егорки. Усевшись рядом с няней на край песочницы, он наблюдал за тем, как мальчик крутит какие-то рычажки на приборной панели маленького мотоцикла и издает губами звуки, имитирующие работу двигателя.

– Зря Евгений Петрович обманывает Егора, – со вздохом проговорила няня, складывая формочки в ведро.

– Он еще маленький, ему не объяснишь, – буркнул Гена, не отрывая взгляда от Егорки.

– Все равно. Он ведь ждет мать, а все вокруг только поддерживают его ожидание.

– Не лезьте, Наталья Марковна. В этом доме не задают лишних вопросов, разве вы еще не поняли? – Гена поступал лопаткой о край песочницы, стряхивая песок. – Евгений Петрович поступает так, как считает правильным, и не нам с вами его судить.

– Я не лезу, Геннадий Аркадьевич...

– Гена, – поправил охранник.

– Да, простите, забыла. Так вот, Гена, я не лезу. Но ребенку от вранья только хуже. Он скоро начнет понимать, и как тогда станет изворачиваться Евгений Петрович? Что придумает? Куда делась Марина Викторовна? – няня требовательно взглянула в хмурое лицо Гены. – Как он объяснит сыну?

– Найдет, что сказать. А я вам настоятельно советую – думайте, что говорите, Наталья Марковна. Марины Викторовны нет больше, некому будет Евгения Петровича остановить, если он разозлится. Только она могла...

В кабинете Хохол уселся в Маринино кресло, закурил, достал пепельницу и подвинул ее ближе к севшей напротив Машке. Та отрицательно кивнула – курить не хотела. Окинув взглядом кабинет, задержалась взглядом на большой фотографии Егора Малышева, висевшей в простенке между окон.

– Надо же, как все изменилось, да, Женя? И Егора нет больше... и Маринки тоже нет...

– Прекрати! – скривился Хохол. – Я стараюсь об этом не думать. И вообще... ты как – шибко нервная? Может, коньячку сперва?

– Что за загадки? – насторожилась Мышка, и Женька решил не юлить:

– Понимаешь, Маш... а ведь Маринка-то того... жива...

– Что?! – резко подавшись всем своим худым телом в сторону отпрянувшего от неожиданного движения Хохла, переспросила Мышка. – Ты... ты что сказал?!

– Не пыли, Маш, – скривившись, попросил он, прикурив новую сигарету. – Не перебивай только, я ж оратор тот еще. Короче...

За десять минут Женька выложил ошарашенной и совершенно растерявшейся Мышке все, что произошло до мнимых похорон, на которых она была, и после них.

– ...И вот теперь она там совсем одна. Виола не может больше туда ездить, потому что муж напрягаться стал. А когда Бес напрягается – то вокруг становится беспокойно всем. А мне этого не надо. Я еще должен Реваза наказать так, чтоб пыль столбом и кровища фонтаном.

Мышка испуганно отпрянула. Она слишком хорошо знала сидящего перед ней человека, чтобы усомниться в его словах.

– Женья... а ты не подумал о том, что у тебя на руках малолетний ребенок и едва живая женщина? – осторожно спросила она.

Хохол вздохнул:

– Это и есть самая главная проблема, понимаешь? Маринка и Егор... Не будь их рядом, я бы уже весь город сжег на хрен. Но не могу... пока не могу.

– Ты хочешь увезти их в Англию? В дом Егора?

– А куда еще? Можно, конечно, на Кипр, там все-таки тоже дом, там тепло... но доктор сказал, что резко менять климат нельзя, а в Англии все же погода ближе к нашей. Увезу туда, потом будет видно.

Маша потрясенно молчала, не в состоянии свыкнуться с мыслью, что подруга, которую она сама лично провожала в последний путь, не умерла.

– Даже приехать и поцеловать ее не могу. Я измучился, Машка, если бы ты только знала... – пожаловался Хохол. – Спать не могу, только глаза закрою, ее вижу.

– Ты хочешь, чтобы я побыла с ней? – Мышка встала, обошла стол и положила руки на плечи сторбившегося в кресле Женьки.

– Если бы я мог, был бы с ней сам, но ты ведь понимаешь... – Он машинально прижался щекой к ее руке, как делал прежде с Мариной, и, уловив незнакомый запах, сел ровно.

– Жень, я могу пробыть у тебя месяц – ровно столько мои будут в Турции. Я позвоню мужу и объясню, что тебе нужна помощь... только хватит ли этого времени?

– Должно хватить, Маш, – иначе может быть поздно.

Три года спустя, Бристоль, Англия

– Джек, ты где? – цокая каблуками по лестнице, Мэриэнн спустилась вниз и обнаружила его сидящим на высоком табурете у барной стойки.

В руке она заметила бокал темного пива.

– Так, начинается! Что опять случилось? – Ответа не последовало, и она, взяв за подбородок, повернула его голову к себе. – У-у, понятно! Успел уже! – Марина убрала руку и села на табурет рядом, потянула к себе джезву с кофе.

– Не пей. Сара варила, – буркнул Женька, делая очередной глоток пива.

Домработница Сара, доставшаяся «в наследство» от покойного Малыша, была совершенно бездарна во всем, что касалось кухни, а уж кофе варила такой, что им впору было заменять химическое оружие.

Марина выплеснула содержимое джезвы в раковину и принялась варить сама. Когда над медным сосудом поднялась шапка коричневатой пены, она добавила туда щепотку молотой корицы, склонилась, вдыхая аромат, и зажмурилась от удовольствия. Перелив кофе в тонкую фарфоровую чашечку, Марина добавила сливки и снова забралась на табурет, закинула ногу на ногу. Полы шелкового халата разошлись, демонстрируя красивые длинные ноги, и Хохол, скосив глаза, сглотнул слюну. Коваль заметила это и поменяла

позу, сверкнув при этом красными стрингами. Женька сломался, прыгнул с табурета и, подхватив Марину, переброшил ее на плечо и понес по лестнице в спальню. Коваль, смеясь, болтала ногами:

– Уронишь, пусти! Я пойду сама!

– Нет! – прорычал он. – Я не хочу так!

– С ума сошел?! Грегори дома!

– Он играет в компьютер на первом этаже, если ты этого не знала, а дверь в спальню я запру...

Халат разлетелся в клочья, как, собственно, и стринги, Хохол упал на распластанную по кровати Марину и впился в ее рот, одновременно хватая ее за запястья.

– Больно... – простонала она, но это только сильнее подстегнуло Женьку.

– Да... знаю... потерпи, котенок, я осторожно...

Но Хохол и «осторожно» – понятия совершенно несовместимые, поэтому через полчаса Маринину грудь украшал огромный синяк, на запястьях остались следы от Женькиных пальцев, а губы болели. Но во всем теле была та удивительная легкость, что оставалась всякий раз после их с Хохлом близости.

– Женька... я так тебя люблю... – Марина коснулась рукой его волос, которые он больше не сбривал наголо, а просто коротко стриг.

– Я тоже люблю тебя, котенок... прости, чуть не сорвался сегодня...

– Да ладно, ерунда. Только не пей сегодня больше, хорошо?

– Я уже Егорке пообещал, что вместе поедem в центр, погуляем в парке, уток покормим.

Это было любимое развлечение пятилетнего Егора – в городском парке множество уток, и каждую субботу мальчик тянул туда родителей. По дороге они заезжали в небольшую кондитерскую, покупали пирожные и огромную белую булку, которую Егорка скармливал плавающим в пруду птицам. Это стало уже непреложным правилом – в субботу к обеду собираться и ехать в парк.

– То есть, сегодня за руль сяду я? – уточнила Марина, приподнимаясь на локте и глядя в лицо лежащего на спине Хохла с улыбкой.

– Ну, выходит, что так, – тоже улыбнулся он. – Поцелуй меня, котенок.

Марина захохотала и принялась покрывать его лицо поцелуями, что моментально привело к перемещению обратно в горизонтальное положение...

– Ма-ама! Ну, что вы там закрылись? – возмущенно выговаривал под дверью спальни Егорка. – Папа обещал в парк ехать!

– Да, родной, сейчас, – отозвалась Марина, пытаясь выбраться из-под навалившегося на нее Хохла. – Мы уже собираемся, ты иди тоже одевайся.

– Я уже давно оделся, а вы все не выходите!

– Все, идем. Найди пока ключи от машины, – распорядился Женька, вставая с кровати и подавая Марине руку. – В душ, котенок? – шепнул он ей на ухо, щекотно обдав жарким дыханием.

– Только быстро... Егорка ждет... А вечером полежим в джакузи, хочешь?

– Конечно, родная...

Через полчаса они ехали в центр города. Марина уверенно вела машину, уже вполне освоившись на английских дорогах, успев даже привыкнуть к странному для русских движению. Егорка на заднем сиденье бормотал что-то по-английски, держал обеими руками большой пакет с пирожными и булками. Весь салон заполнился запахом свежей выпечки, и Марина почему-то вдруг вспомнила Женькину бабу Настю и ее деревенский хлеб, только что вынутый из русской печки, большую глиняную кружку, полную парного молока... В носу защипало, Коваль стянула зубами перчатку и вытерла непрошенные слезы.

Уже давно ей не было так плохо и не тянуло с такой силой домой, в Россию. Однако даже заговаривать на эту тему она боялась, зная отношение Хохла к этому вопросу. Он тоже отчаянно хотел вернуться, но понимал, что тем самым сведет на нет все свои усилия по выводу Марины и Егорки из-под прицела мамедовских. Но и жить здесь, в Бристоле, ему тоже становилось невыносимо, и все чаще Хохол срывался

и пил. Марина понимала его, не скандалила, застав Женьку пьяным. Потом он извинялся, долго ходил шелковый и исполнял любую Маринину прихоть.

Первое время она страшно злилась на Женьку за самовольно принятое решение, особенно когда только-только пришла в себя и стала хоть чуть-чуть соображать. Ее бесила эта страна, этот дом – да вообще все. Хотелось домой, в родной город, в родной коттедж, ночами Коваль рыдала в подушку, кроя лежащего рядом Хохла последними словами. Со временем, правда, она смирилась и поняла, что только так Женька мог спасти ее, только таким образом дал ей возможность выжить и жить дальше. Злоба и досада сменились стыдом и благодарностью. Коваль даже предприняла попытку стать обычной женщиной – женой и матерью, но куда там... Если ты не рождена для этого, то нечего и пробовать. Очень скоро ей наскучила размеренная и спокойная жизнь, и Марина уговорила Хохла не упрямиться и позволить ей заниматься чем-нибудь. Она открыла ресторан, правда, не японский – русский, но все же это был ресторан, бизнес, в котором она хорошо разбиралась. Найти эмигрантов для работы оказалось совсем несложно, и управляющий тоже был из русских.

Егорка уже ходил в подготовительную школу и выделялся среди своих сверстников тягой к языкам, об этом постоянно говорила его наставница. Марина была рада – в конце концов, знание иностранного языка еще никому не вредило.

Она испытала это на своей шкуре – куда теперь без своего почти безукоризненного английского.

– ...Мама, ну, куда ты едешь? Уже полпарка проехала! – Возмущенный детский голосок отвлек Марину от раздумий, и она резко нажала на педаль тормоза.

– ...Твою мать! – откомментировал Хохол, едва не врезавшись лбом в стекло. – Рехнулась?! Опять мечтаешь за рулем?

– Не ори! – разозлилась Марина. – Не надо было пиво жрать с утра, сам бы ехал и на меня не срывался!

Она решила не портить ребенку долгожданный выходной, а потому взяла себя в руки и вышла из машины с улыбкой, протянула Егору руку:

– Идем, Грегори, папа нас догонит.

При этом связка ключей полетела точнехонько в лицо Хохла, и тот едва успел увернуться. Марина, опираясь на трость, направилась с сыном к пруду, а Женька, подобрав ключи и взгромоздившись на водительское место, пробормотал:

– Стерва чертова, обязательно последнее слово твое должно быть!

Он оставил «мерина» на стоянке и пошел искать свое семейство. Сделать это оказалось нетрудно – во-первых, их любимым местом была небольшая беседка на берегу пруда, где Марина сидела на лавке, а Егорка, свесившись через перила, крошил в воду булку, а во-вторых, другой та-

кой женщины во всем парке просто не было. Марина теперь стриглась коротко, почти под ежик, красилась по-прежнему в черный цвет и пользовалась ярко-красной губной помадой. Цвет одежды тоже не менялся, хотя изредка Коваль позволяла себе белую блузку или пушистый ангорский свитер. Сегодня на ней был именно такой – снежно-белый, и на фоне еще голых деревьев и старой коричневой беседки Марина смотрелась ярким пятном. Хохол вошел в беседку, сел напротив Коваль и дерзко уставился ей в лицо. Воспользовавшись тем, что Егорка занят кормлением уток, Марина показала Хохлу средний палец, на что Женька фыркнул и шепотом пообещал разобраться с ней ночью.

– Помечтай! – насмешливо отозвалась она, встала и подошла к сыну, висевшему над водой с куском булки в руке: – Что, плавают?

– Смотри, какие большие! – с восторгом проговорил мальчик, поворачивая к матери мордашку.

Марина отломила кусочек и бросила в воду. Тут же подплыла серая птица, схватила хлеб клювом и, смешно вытянув шею, проглотила. Уток было много, целая стая, они прилетали сюда каждый год, и Егорка вполне серьезно утверждал, что птицы его узнают.

– Ага, у них только и дел! – фыркнул Хохол, доставая сигареты.

– Узнают! – уперся Егор, глянув на отца исподлобья.

Хохол взбесился – его раздражала манера мальчика копи-

ровать Маринину привычку убивать собеседника взглядом.

– Ты как на отца опять смотришь?! – зашипел он по-русски, а Егор, отойдя на безопасное расстояние, вдруг по-английски выдал:

– А ты мне не папа!

Коваль замерла на лавке, не донеся до губ зажженную сигарету. Как он узнал?! Откуда?! Она никогда не говорила Егорке, что Хохол ему не родной, это просто не обсуждалось – Женька растил его с десятимесячного возраста как сына, считал своим ребенком, и вдруг такое... Даже Женькиных познаний в английском хватило, чтобы понять фразу, брошенную ребенком.

– Что?! – оторопел Хохол. – Как ты сказал?

Егорка молчал, глядя под ноги, но повторить свои слова не решался. Хохол вдруг поднялся и пошел прочь из беседки, ссутулив плечи и опустив голову, как побитая собака.

– Грег! Как ты мог?! – взвизгивала Марина, гневно глядя на сына.

– Я правду сказал! Он мне не папа!

Коваль ударила его по щеке перчаткой и зашипела в лицо:

– Не смей! Не смей никогда говорить отцу таких вещей, ты, маленький поганец! Ты понял?! – Она сильно встряхнула его за плечо и повторила: – Не слышу – понял?!

– По-понял... – проговорил Егор, часто моргая, чтобы не дать выкатиться слезам – его никто и никогда не бил, тем более так обидно, по лицу, тонкой кожаной перчаткой.

– А раз понял – догони отца и извинись!

Марина чуть толкнула мальчика к выходу из беседки, и Егорка со всех ног кинулся вслед за уходящим Хохлом. Марина видела, как он догнал Женьку, взял за руку и заставил остановиться. Задрав вверх голову в спортивной шапочке, он что-то говорил Хохлу, а тот в ответ только погладил его по макушке. Егор подпрыгивал на месте и продолжал что-то говорить, а Женька вдруг подхватил его на руки и прижал к себе, спрятав лицо на его груди. Мальчик обнял Хохла за шею, и у Марины защемило в носу. Она глубоко затянулась сигаретой, стараясь не заплакать. Вот так – ребенок откуда-то узнал, что Женька ему не отец... А что произойдет, когда он вдруг выяснит, что и Марина ему не мать? Но кто мог сказать об этом пятилетнему ребенку? Да еще здесь, в чужой стране, где никто их не знал?

Обратно ехали молча. Хохол сидел с Егоркой на заднем сиденье, потому что мальчик не отпускал его, прилип намертво, чувствуя свою вину. Дома Егор сразу пошел к себе и лег, хотя время было раннее.

– Ты будешь ужинать? – Марина вошла в детскую, чтобы позвать сына к столу, но тот только помотал головой и снова спрятал лицо в подушку.

Она присела на кровать рядом и потрепала его по затылку:
– Грег... ты обиделся?

Он промолчал. Марина потеснила его к стенке и легла ря-

дом, обняла и прижала к себе, уткнувшись губами в темно-волосую макушку:

– Прости меня, сынок, я была неправа. Но и ты тоже сделал ужасную вещь. Ты обидел папу. За что?

– А за что ты меня ударила?

– Вот за это самое. Никогда не смей говорить что-то подобное папе. Он – твой папа, понимаешь?

– Нет, он не мой папа. – Егор освободился от материнских рук и сел на кровати. – Не настоящий. Моего папу звали Егор, я знаю.

– Откуда? Что за бред?

– Прочитал то, что написано в такой синенькой бумажке... она лежит у тебя в столе.

– Ты рылся в моем столе? – удивленно изогнула брови Марина, приподнимаясь на локте. – Знаешь, как это называется?

– Знаю – шакалить, – вздохнул Егор совершенно серьезно, и Коваль, повалившись обратно на кровать, закатилась смехом.

– Я тебя умоляю... – простонала она, вытирая заслезившиеся глаза. – Больше никому и никогда не повторяй то, что слышишь от папы... особенно в школе...

– Мама, не смейся, – попросил Егорка, обхватывая ее за шею. – Я больше не буду так говорить. Но ведь моего папу на самом деле звали Егор, правда? Ну, скажи, скажи!

Он тормозил мать, заглядывал ей в лицо, терся носом о

щеку. Марина уворачивалась, пытаясь перевести разговор на другую тему, но настырный мальчик не отставал.

– Хорошо, – сдалась Коваль. – Но сначала мы пойдем поедим, а потом поднимемся к тебе и поговорим, да? Беги в столовую, я сейчас тоже приду.

Егорка побежал вниз, а Марина, сев на кровати и обхватив руками колени, задумалась. Значит, Егорка нашел в ящике стола свое свидетельство о рождении, в котором ясно написано, что его отец – Егор Сергеевич Малышев. Беда с грамотными...

Читать его, как ни странно, научил Хохол, долгими зимними вечерами они сидели с книжками в детской или в гостиной, и маленький Егорка повторял за Женькой русские буквы, складывая их в слова и слоги. Английскому его обучала русская студентка Инна, приходившая к ним дважды в неделю. Пока Марина восстанавливалась после болезни, она почти не занималась сыном, но когда немного окрепла, взяла его обучение в свои руки, и теперь, к пяти годам, Егор бегло читал и по-русски, и по-английски. А теперь придется рассказать сыну правду о его отце, раз уж возник такой вопрос... Но сначала нужно поговорить с Женькой.

Марина спустилась в столовую, где за накрытым столом уже сидели Хохол и Егорка, села на свое место и потянулась к стакану с соком.

Закончив ужинать, Егор без напоминаний собрал со стойки тарелки и сложил их в посудомоечную машину – это было

его обязанностью с четырехлетнего возраста.

– Потом иди в душ и к себе, я приду минут через сорок, нам с папой нужно поговорить, – распорядилась Марина, и мальчик кивнул.

Хохол вопросительно смотрел на нее, но Коваль не собиралась разговаривать при ребенке.

– Идем в кабинет.

Бывший кабинет Малыша на первом этаже теперь стал Марининым рабочим местом. Там она держала все документы, бумаги, там же находился и сейф, в котором лежали российские паспорта и Маринины драгоценности, коих было немало – подарки Малыша и Хохла. Ничего в интерьере она не поменяла, все осталось так, как при Егоре.

Опустившись в кресло, Коваль закурила, помолчала какое-то время, глядя на сидящего перед ней Женьку. Она не знала, как начать разговор, с какой фразы, как сделать так, чтобы тот не почувствовал себя чужим и отвергнутым.

– Женя... понимаешь, какое дело... Словом, Егор нашел свое свидетельство о рождении.

– И что? – не сразу понял Хохол.

– Как – что? Он прочитал все, что там написано, и именно поэтому сегодня сказал тебе то, что сказал.

Женька молчал, уставившись куда-то на пол, словно изучал рисунок ковра.

– Жень...

– Что?

Марина вышла из-за стола, села на подлокотник кресла и обняла любовника за шею, прижавшись губами к виску:

– Жень... ты не думай, он не станет любить тебя меньше... он ведь еще ничего не соображает, лепит, что в голову взбредет...

– Да, было бы лучше, чтобы он врал так же виртуозно, как ты, – невесело усмехнулся Хохол, похлопав Марину по колену. – Не говори ерунды, котенок. Теперь он знает, что я ему не родной отец, и при любом удобном случае будет напоминать мне об этом.

– Ты спятил! Я не позволю Егору относиться к тебе иначе, чем было до сегодняшнего дня! – возмутилась Марина. – Ему пять лет, но тебе-то уже пятый десяток – может, хватит? Неужели ты не понимаешь, что отец не тот, кто в документах записан, а тот, кто растит и воспитывает? Он же копирует тебя, каждое слово, каждый жест! Женья! – Она пересела к нему на колени и взяла в ладони хмурое лицо. – Прекрати! Ты – его отец, другого у него уже не будет. И не было.

– Себя хоть не обманывай, – попросил он, прислушиваясь к движениям ее рук по щекам. – Он все равно будет спрашивать.

– Я расскажу ему об этом сегодня. Да-да, вот прямо сегодня, – предупреждая возглас Хохла, Марина приложила палец к его губам. – Он обдумает все и успокоится. Хочет знать – пусть знает.

– Он еще маленький...

– Ну и что? Зато потом никто не сможет ранить его.

– Да? А если...

– Не надо! Об этом я ему расскажу... позже... когда он будет старше...

Марина замолчала, и Хохол, словно почувствовав, как все ее тело сковали тревога и страх, крепче обнял ее и прижал к себе. Они раньше никогда не заговаривали друг с другом на эту тему, просто не было необходимости задумываться, что Егор может узнать правду самостоятельно, да еще таким образом.

– Не переживай, котенок, все образуется. Егор вырастет...

– Да, – эхом отозвалась Марина, не отрываясь от Хохла, словно это могло отодвинуть непростой разговор с сыном. – Вырастет...

– Хочешь, я сейчас с тобой пойду? – предложил Женька, но Марина отказалась:

– Спасибо, родной... я должна сама.

– Ну, ты тогда просто помни, что я с тобой.

– Ты всегда со мной, не говори ерунды.

Коваль поцеловала его в щеку и встала, направляясь в детскую. Перед этим она открыла сейф и вытащила оттуда небольшой альбом – это были фотографии, которые Хохол даже в суматохе отъезда не забыл взять с собой.

Он понимающе кивнул:

– Давай, котенок, все правильно...

Перед дверью детской Марина остановилась, набрала в

грудь воздуха и резко выдохнула, словно перед прыжком в воду, и только после этого взялась за ручку. Егор сидел в кровати, переодетый в пижаму. На личике застыло напряженное ожидание, руки теребили любимого плюшевого медвежонка, привезенного из России. Марина села рядом с сыном, положила ему на колени альбом:

– Здесь фотографии твоего папы, Грег.

Мальчик взялся за обложку так осторожно, словно она была горячая и могла обжечь его. С первой страницы на него смотрел Малыш – на фотографии, сделанной в офисе, он сидел за столом и улыбался в объектив.

– Это... он? – почему-то Егорка не смог произнести слово «папа».

– Да, сынок.

У Марины заболело сердце при виде родного лица, она так и не избавилась от своих ночных кошмаров, по-прежнему видела во сне мужа и просыпалась в слезах. Правда, это случалось все реже, однако случалось, причиняя боль. Егорка провел пальцем по фотографии и всхлипнул.

– Что такое? – Марина прижалась к сыну, и он поднял на нее синие глаза:

– А где он?

– Он... он умер, Грег.

– Умер? Как?

– Так...

– А где тогда был я?

– А ты... ты был еще совсем маленький, совсем крошечный...

– И я его никогда-никогда не увижу?

– Нет, сынок, никогда. Он похоронен очень далеко, в России. Может быть, мы съездим туда когда-нибудь, и ты принесешь ему цветы.

Егор укоризненно поглядел на мать:

– Мам, ты чего говоришь? Как я принесу ему цветы, если он умер?

– Ты положишь их на его могилу, и он почувствует, что ты пришел. – Коваль вытерла слезы, катившиеся по щекам, поцеловала сына в темноволосую макушку.

– Мама, не плачь, – попросил он срывающимся голосом. – Хочешь, я не буду спрашивать больше?

– Нет-нет, сынок, спрашивай... – выдохнула Марина. – Просто... это очень тяжело...

– А его звали, как меня?

– Это тебя зовут, как его. Я назвала тебя так же. В России ты был бы Егор Егорович, а здесь – Грегори.

– Жалко, что я его совсем не видел, – пробормотал мальчик, переворачивая альбомный лист. – Ой, мамуля, а это ты!

Это была одна из ее редких фотографий – Марина не любила фотографироваться. Но здесь они были вдвоем – Малыш держал на руках жену, одетую в белоснежное подвенечное платье, и улыбался счастливой улыбкой.

– Это вы женились, да?

– Да.

– А как же папа... ну, мой другой папа?

– Мы еще тогда не были знакомы, – уклонилась Марина.

– Мам... а я похож на своего первого папу?

– Очень. – Коваль снова поцеловала его. – У тебя такие же глаза, такие же волосы... ты копия своего отца, Грегори.

Они пролистали альбом до конца, и мальчик все время внимательно рассматривал лицо Малыша, словно искал в нем свои черты. Закрыв альбом, Егорка какое-то время молчал, а потом попросил:

– Можно, он будет лежать у меня в комнате?

– Можно. Но у меня к тебе тоже просьба. Я могу говорить с тобой как со взрослым мужчиной? – Марина взглянулась в синие глазенки сына, и тот кивнул. – Грег, твой родной папа умер. Но Женя... он тоже твой папа, он растил тебя, он заботился о тебе, когда я... уезжала, а потом сильно болела, ты помнишь?

– Помню. А еще я помню, как мы жили в другом доме, – вдруг сказал Егорка, удивив Марину. – Такой большой-большой дом, намного больше этого. Да?

– Это так странно... тебе было всего два года, я даже не думала, что такие маленькие дети могут что-то помнить...

– Ты не ответила!

– Да, родной, наш дом в России был намного больше этого, – сдалась Марина. – Его построил твой папа, он ведь был строителем.

– А этот дом кто построил?

– Этот – не знаю. Папа купил его, когда приехал сюда жить. Но ты перевел разговор, хитрый поросенок! – Она ущипнула сына за щеку, и тот лукаво улыбнулся. – Так вот – я прошу, нет, я требую от тебя беспрекословного подчинения отцу, ты понял? Любое слово, сказанное папой, для тебя закон. И не дай тебе Бог забыть то, о чем мы говорили сегодня в парке.

Единственным человеком, который совершенно не боялся взгляда Коваль, был ее сын. Однако боязнь разочаровать ее была сильнее всего, сильнее крика и ругани. Егор старался ничем не огорчать мать, не заставлять мрачнеть ее красивое лицо. Он слышал, как в школе учительницы говорили о том, что миссис Мюррей – фантастически красивая женщина и наверняка могла бы сниматься в рекламе. Егор гордился матерью, любил, когда она приезжала за ним в школу, выходила из джипа и ждала его, Егора, облокотившись на капот. Потом они ехали в какое-нибудь кафе, заказывали что-нибудь вкусное и обязательно – мороженое в большом бокале, украшенное вишенкой сверху. Но дело было даже не в мороженом, а в том, что в такие моменты Марина принадлежала только ему, только его слушала, только с ним разговаривала.

– Грег, я не слышу, – напомнила Марина, заметив, что мальчик отвлекся и думает о чем-то.

– Да, мамуля, я понял. Мамуля, я так тебя люблю...

– И я тебя, родной...

Выйдя из детской, Марина закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как силы покидают ее. Разговор, такой внешне спокойный и размеренный, дался ей непросто и отнял много нервов. Марина съехала по двери и села на пол и так сидела очень долго, до тех пор, пока ее не нашел Хохол.

– Вот ты где! А чего на полу?

– Я очень устала, Жень... это так трудно, оказывается, так больно...

Марина заплакала, уткнувшись лицом в колени. Хохол присел рядом, потрепал по волосам:

– Котенок, ты не плачь, ведь все кончилось. Что Егор сказал?

– Да вроде ничего... пообещал, что будет слушаться тебя, как раньше...

– А... про Малыша – что?

– Не надо про Малыша, я прошу тебя...

– Да, как скажешь...

Он привычно поднял ее на руки и понес в спальню. Ничего в жизни не менялось, даже это...

Три года назад, Россия

– Ну, тебя не узнать! – Мышка изумленно таращила глаза на Хохла и пыталась понять, что же именно он с собой сделал. – Ну-ка, повернись к свету...

– Все, хватит пялиться, – отрезал он. – Ты ж понимаешь, что я не могу со своей рожей туда... Поехали, а то под париком башка потеет.

Вместо гладко выбритой лысины голову Хохла венчала русая шевелюра, поверх его тонких усиков были наклеены пышные, глаза прятались за стеклами чуть тонированных очков. Строгий серый костюм, модные туфли, кашемировое пальто нараспашку, тонкие серые перчатки, чтобы скрыть татуировки – вид у Хохла был абсолютно другой.

У здания больницы вся стоянка была заставлена автомобилями разных марок, и Хохол, едва найдя место для парковки, фыркнул:

– Растет благосостояние граждан! Тачку воткнуть некуда!

Он заметно нервничал перед встречей с Мариной. В последний раз видел ее почти две недели назад.

Толкнув дверь палаты, Хохол замер – Коваль лежала, широко распахнув глаза, и смотрела в стену перед собой. Мышка не упала в обморок, как того опасался Женька, наоборот, она как-то сразу стала вдруг строгой, профессиональ-

ной, осмотрела все вокруг, чуть тронула пальцем повязку на лице Марины – та не пошевелилась, не узнала.

– Мне бы как-то с лечащим переговорить...

Хохол послушно набрал номер и попросил Валерку выйти в холл. Они с Мышкой были знакомы, так что присутствия Женьки не требовалось.

Марина не отреагировала на звук закрывшейся двери, но, едва Женька сел рядом на стул, в глазах отразился испуг – она не узнала его в «маскарадном костюме».

– О господи, котенок, я и забыл! – Хохол сбросил парик и отклеил усы. – Это я, родная моя, я, Женька. Не узнала?

Он взял ее руку и прижался губами. Рука пахла больницей, лекарствами, еще чем-то чужим. Длинные ногти, покрытые черным лаком, казались неуместными здесь, в этой обстановке, на этих тонких руках, исхудавших так, что просвечивали вены.

– Котенок, ну, как ты тут? Посмотри на меня... – Он передвинулся так, чтобы попасть в поле ее зрения. – Мариш, ну хоть моргни, если видишь...

Синие глаза закрылись на секунду, а потом снова уставились на Хохла, и в углах он заметил блеснувшие слезы. Дотянувшись до тумбочки, Хохол взял лежавший там белый платок и осторожно промокнул влагу.

– Зачем ты плачешь? Все в порядке, я с тобой... Я тебе Мышку привел...

Он аккуратно снял повязку с ее лица, погладил кончиками

пальцев по щеке. Кожа была прохладной, бледной, и Женька опять расстроился, что не может даже жалюзи на окне поднять, чтобы в палату хоть ненадолго заглянуло солнце, потому что кругом полно крыш, с которых отлично просматривается больница. Мало ли что...

В палату вошла Мышка, приблизившись к кровати, поправила одеяло и коснулась Марининой руки, лежавшей поверх.

– Что врач сказал? – нетерпеливо спросил Хохол, стараясь на время отделаться от подруги и остаться наедине с любимой женщиной.

– Сказал, что пока все на прежнем уровне, но ухудшений нет, и это главное. Я пойду, посижу в коридоре.

– Да, иди, спасибо.

Она упорхнула, оставив в палате аромат каких-то луговых цветов, а Хохол облегченно вздохнул:

– Ну, все, котенок, мы с тобой одни. Я так соскучился, родная моя, если бы ты только знала... Сейчас мы поедим, потом я тебя умою... – Говоря это, Женька готовился к не очень приятной процедуре кормления – с помощью большого шприца через стоявший в носу зонд Марине вливали бульон с протертым мясом, соки и все остальное.

Но это все-таки было лучше, чем постоянные капельницы с глюкозой и белками. Марина закрыла глаза и не открывала их до тех пор, пока Женька не прекратил вливать бульон и не убрал шприц.

– Все, родная, уже все... – Он поцеловал ее в щеку. – Я знаю, это неприятно, но ведь нужно как-то тебя кормить, иначе ты просто скоро исчезнешь. Совсем уже прозрачная стала. А ведь ты нам нужна здоровая, мы же тебя ждем, я и Егорка...

При упоминании о сыне Маринины глаза опять наполнились слезами, Хохол кинулся просить прощения, касаясь губами ее глаз, лба, щек.

– Родная моя, маленькая, я тебя прошу – не надо плакать...

Он пробыл в палате до самого вечера, пока Мышка не заставила его встать и отправиться домой. Сама же осталась в больничной палате, выпросив у Кулика разрешение находиться рядом с Мариной круглосуточно.

Дома ждали. Во дворе гулял с Геной Егорка, то и дело поглядывал на ворота, и, когда в них влетел джип Хохла, мальчик припустил в сторону гаража. Гена едва успел поймать его:

– Куда? Под колеса?

Егор недовольно завопил, но с бывшим спецназовцем такие вещи не проходили, а потому мальчику пришлось закрыть рот. Хохол вылез из машины, бросил ключи охраннику на воротах и подошел к Гене, забирая у него Егора:

– Привет, мужик.

– Папа! – Егорка прижался щекой к Женькиной щеке. –

Папуя...

– Подхалим! – прокомментировал Гена.

– Давно гуляете?

– Да вот няню проводили час назад и все бродим. «Папа, папа»! – передразнил Егорку охранник, и мальчик надул губы, отворачиваясь. – Слушай, Жека, тут к тебе парень приехал, тот, что помог Марине Викторовне убийцу мента найти.

Хохол враз забыл об усталости и моральном опустошении, которое наваливалось всякий раз после посещения больницы. Сорокин! Значит, нарыл что-то на Реваза...

– Передал что-нибудь?

– Да, оставил на столе в кабинете Марины Викторовны папку, сказал, что ты в курсе.

– Да-да... Ну-ка, Егор, иди к дяде Гене. – Женька передал мальчика охраннику и бегом направился в дом, едва не сбив в прихожей с ног домработницу Дашу.

– Женья, ужинать будешь? – окликнула она, но Хохол только отмахнулся – ему было не до еды.

На столе лежала красная пластиковая папка. Женька с опаской открыл ее – это был первый отчет частного детектива Ивана Сорокина о проделанной работе. Проглядев первый лист, Хохол понял, где наверняка сможет найти Реваза.

Любимым местом отдыха отморозка и его команды был ночной клуб «Тропиканка» на восточной окраине города. Сказка, а не клуб – до ближайшего отделения милиции почти пять кварталов, пока доедут – ищи-свищи. Да и жилых

домов рядом почти нет, так, сараюшки и двухэтажные бараки, населенные алкашами и наркоманами всех возрастов. Построить ночной клуб в этом месте мог только идиот. И таковой нашелся, за «крышу» платил Ревазу. Хотя – зачем «крыша» в таком гиблом месте? И неужели тамошние аборигены посещают ночные клубы? Однако это к делу не относилось, и теперь Хохлу предстояло разработать план по наказанию и уничтожению «народного мстителя». Он мог поручить это кому угодно из своих, тому же Матвею Комбарову. Да и любому из пацанов, за Наковальню они бы с Реваза шкуру тонкими ломтиками срезали. Но Женька хотел сделать все сам, причем громко и с помпой, чтобы легенда осталась. Хотя Марина вряд ли одобрила бы подобное...

– Ничего, котенок, я потом в церковь схожу, помолюсь и свечку поставлю, – пробормотал он, глядя на Маринину фотографию, которую поставил на стол после похорон. – Ты не бойся, я никогда не коснусь тебя кровавыми руками...

Он не спал всю ночь, курил в кухне, открыв настежь окно,пил чифир и думал, думал... Столько всего одновременно навалилось – завтра должен приехать какой-то черт, пожелавший купить «Империю», потом еще деваха из агентства недвижимости по поводу дома... и еще Реваз этот – быстрее бы его убрать и забыть, что он вообще был. Может, и правда поручить его Матвею? Комбар давно рвется наверх, так и лезет из модных джинсов, чтобы быть замеченным – так, может, вот он, его шанс?

«А что – можно так и сказать: мол, убираешь Реваза и становишься выше остальных старших, моей правой рукой будешь...»

Вот это слово «моей» как-то резануло слух – выходило, что теперь он, Хохол, встал на место Наковальни. А кто его туда поставил? Да никто, хотя пацаны и молчат, и пятеро старших не выступают, ждут чего-то. Ясно, чего – сходки у Беса. Но Хохлу нет дела – если Бес велит, то он не станет хвататься за власть, ему не нужно, даже еще лучше будет – он сможет сосредоточиться на своих проблемах, подготовиться к отъезду.

Пару часов назад Хохол позвонил в Москву Маринину отцу и попросил помочь в оформлении документов на выезд в Англию. Виктор Иванович удивился:

– Куда ты собрался, Женя? Зачем?

– Нам нужно уехать отсюда, Виктор Иванович, – проговорил Хохол, понимая, что сейчас ему придется сказать, что Марина жива.

– Зачем? – повторил Маринин отец, и Хохол, вздохнув, сказал так тихо, что сам едва разобрал:

– Я должен увезти отсюда вашу дочь...

– Что?!

– Да что слышали! – взорвался вдруг Женька, не вынеся накопившегося нервного напряжения последних недель. – Что слышали! Марина жива, только в больнице лежит почти без сознания! Я похоронил какую-то шлюху, потому что ина-

че пришлось бы хоронить ее! И если кто-то узнает, что она жива, это быстро постараются исправить, а я не могу этого допустить, не могу позволить ей умереть, она мне нужна, мне и Егору! Если можете помочь – помогите, если нет – забудьте все, что я сейчас сказал, сам буду искать возможность!

На другом конце провода повисло молчание, и Женька даже испугался – а не хватил ли старика сердечный приступ от такой новости. Но Виктор Иванович заговорил совершенно спокойно:

– Разумеется, я помогу тебе, Женя. Только... как ты собираешься везти ее, если она...

– Это уже мои трудности. С деньгами проблем нет, откуплю салон в самолете, врача найму... ерунда, мне главное документы оформить побыстрее.

– Я же сказал, сделаю, постараюсь как можно скорее. Ты мне расскажи, Женя... как она?

– Плохо, Виктор Иванович... лежит, глазами хлопает... а вроде голова в порядке... Наш доктор сказал, что такое бывает после частых наркозов – организм не успевает выводить лекарства... Да мне наплевать, главное, жива, я ее подниму. Машка приехала, рядом сидит, мне хоть чуть-чуть легче стало.

– Как Егор? Может, ты его пока ко мне привезешь?

– Не знаю даже. Он все время с няней и охранником, я ж в городе постоянно, а они здесь, в поселке. Плачет, к матери просится...

– Что ты сказал ему?

– Что уехала, – невесело усмехнулся Хохол, щелкая зажигалкой и закуривая очередную сигарету. – Няня меня ругает, говорит, нельзя давать надежду...

– Нет, Женя, ты все правильно сделал, – проговорил Виктор Иванович. – Егор еще маленький, не надо ему... тем более что Мариша жива. Теперь вот что – постарайся отправить мне все документы в течение двух-трех дней. А я здесь подниму все свои связи.

– Завтра вечером к вам придет человек от меня и все передаст, – решительно ответил Хохол, уже зная, кого пошлет в Москву.

– Но, Женя... билеты – сейчас трудно с этим.

– Это у вас трудно. У нас легко.

– Ну, смотри. Тогда я жду твоего человека и сразу тебе позвоню.

Положив трубку, Хохол слегка расслабился – все-таки хоть какая-то часть проблем решится с помощью Маринино отца. Да и старику будет легче теперь, когда он узнал, что Марина жива.

Хохол встал с табуретки, взял в руку полную окурков пепельницу, вытряхнул содержимое в ведро и снова вернулся к открытому окну. Занавески чуть подрагивали, во дворе тускло горели фонари, освещая весь периметр и собачьи будки. Два отпущенных на ночь кавказца лежали прямо посреди двора, настороженно вслушиваясь в тишину ночного

поселка. В небольшой сторожке у ворот работал телевизор – Казак смотрел футбол. Хохол на цыпочках прошел на второй этаж, в детскую, постоял немного у кровати, в которой безмятежно раскинулся спящий Егорка.

Женька уже даже не помнил о том, что этот пацаненок ему неродной, он считал его своим сыном, воспитывал так, как считал нужным, очень любил.

– Спи, мужичок, – шепнул Хохол, поправив задремавшую на животике пижамку. – Спи...

Закрыв дверь, он снова спустился в кухню и взял очередную сигарету. Если бы несколько лет назад кто-то сказал, что он, Жека Хохол, будет переживать из-за женщины, из-за ребенка, вот так ночи напролет сидеть в темной кухне и думать о том, что готовит завтрашний день, он не поверил бы. Но за годы, проведенные рядом с Мариной, он стал мягче, научился прощать, заботиться о другом человеке. Молодая женщина сумела в чем-то сломать его характер, выпустить наружу то, что было скрыто глубоко в душе, окаменевшей за годы лагерей. Порой он взбрыкивал, пытался настоять на своем, но понимал, что упрямством добьется только одного – потеряет Марину. А это было страшнее всего.

– ...Жека... Жека, не спишь, что ли? – послышалось за спиной, и Хохол резко развернулся, одновременно вынув из кармана финку.

На пороге кухни стоял Гена в спортивном костюме, и Хохол перевел дыхание, пряча инструмент обратно.

– Садись, Генка, чаю попьем.

– Совсем не ложился? – Охранник сел за стол и потянулся к электрическому чайнику. – Шестой час уже.

– Не ложился. Да и сейчас уже смысла нет – через час бегать пойду, – буркнул Хохол, затягиваясь сигаретой. – А ты чего в такую рань?

– Не спится. Жека, давай начистоту – ты ведь валить собираешься? – прямо спросил Гена, и Хохол угрюмо кивнул. – Наверное, правильно – ребенок тут, да и вообще... Я вот что хотел сказать – это не мое дело, конечно, но среди пацанов разговор пошел, что ты не свое место занял.

Хохол не очень удивился, давно ждал, что произойдет что-то подобное.

– Я тебя предупредить хотел, Жека, просто чтоб ты знал – если что, на меня можешь рассчитывать. Рука одна, правда, зато рабочая, – криво усмехнулся Гена, погладив протез.

– Спасибо, Гена. Я запомню. Но за бригаду цепляться не буду – она не моя. Она Маринкина, не хочу, чтобы кто-то предъявил, что я взял не свое.

– Жаль Марину Викторовну, такая женщина была... – вздохнул Гена, берясь за кружку с чаем.

– Да... – эхом повторил Хохол, думая о другом. – Слушай, Гена... а поможешь мне наказать того, кто ее заказал? Я вычислил место, где бывает этот горец, но в одного я не справлюсь, а просить кого-то из пацанов не хочу. Теперь не хочу, – уточнил он, и Гена понял, что Хохол имел в виду –

разговоры за спиной.

– Да не вопрос, Жека, помогу. Только скажи, чего хочешь, обдумаем.

Хохол молча взял его за здоровую руку, крепко сжал. Этот жест сказал все лучше всяких слов. Они допили чай, Хохол еще покурил, потом глянул на часы:

– Все, мне пора бегать. Ты послушай, чтобы Егор не плакал, как проснется.

– Иди, не волнуйся.

Женька ушел к себе, переоделся, вскоре хлопнула входная дверь. Гена, выглянув в окно, увидел, как он выбегает из ворот, направляясь в сторону леса, где бегал обычно. «Что-то скрывает Жека, чует мое сердце. И Машка как-то странно пропала – вроде только приехала и уже домой... Стоило мотаться», – подумал охранник, но зацикливаться не стал – со второго этажа спускался заспанный Егорка, держась ручками за стену.

– Привет, спортсмен! – Гена подошел к лестнице и помог мальчику спуститься с последней ступеньки, которая была выше остальных. – Ты чего так рано?

Егор заплакал, и охранник, подхватив его на руки, стал ходить по дому, успокаивая и уговаривая. Появилась домработница Даша, жившая в коттедже охраны, сразу захлопотала на кухне, начиная готовить завтрак.

– Гена, ты кофе будешь? – спросила она, беря в руки кофемолку.

– Буду.

– А накурил-то Женька – караул просто! – домработница обнаружила в мусорном ведре гору окурков и такую же гору – в пепельнице на подоконнике. – Опять не спал, все переживает...

– Трудно ему, – сказал Гена, садясь за стол и устраивая Егорку у себя на коленях. – Один остался, столько всего свалилось.

– Тяжело без Марины Викторовны. – Даша помрачнела, отвернувшись к плите, снимая с нее джезvu. – Тебе мед положить или сам?

Гена пил кофе только с медом, и Даша прекрасно знала его вкусы – как, впрочем, привычки всех людей, живущих в доме.

– Не надо, я сам. Егор не умывался еще, сейчас схожу с ним в ванную, переодену, и мы спустимся.

Гена унес Егора на второй этаж, а Даша принялась варить мальчику кашу. За этим занятием ее застал вернувшийся с пробежки Хохол. Он стягивал на ходу через голову мокрую от пота майку и матерился на ходу:

– ...Твою мать, что за люди! Ну, погуляли, побухали – убегите за собой, ведь не один день живем!

– Ты чего, Женя? – удивилась Даша.

– А, Дашка, привет, – откликнулся он, бросая майку на пол и наливая полный стакан холодной воды.

Запрокинув голову, он пил воду, и на мощной шее дви-

гался кадык. Даша наблюдала за Хохлом, сложив на груди руки. Он почувствовал этот взгляд, поставил стакан на стол:

– Что ты так на меня смотришь?

Даша вздохнула и не ответила, снова отвернувшись к плите, сняла с конфорки кастрюльку с кашей, достала из шкафа Егоркину тарелку.

– Даш, случилось что-то? – спросил Хохол, поворачивая ее за плечи к себе.

– Случилось... Сон я сегодня видела... Марину Викторовну в белом платье, – всхлипнула Даша, уткнувшись лицом в голую татуированную грудь. – Знаешь, Женька, аж сердце закололо – стоит такая красивая, молодая совсем... и улыбается... – Даша зарыдала в голос, и Хохол зашипел, услышав на лестнице шаги:

– Прекрати! Сейчас Егор придет, увидит, что ты ревешь, и тоже заплачет!

– Все-все, Женечка... не буду, – заторопилась она, отрываясь от Хохла и выкладывая кашу из кастрюльки в тарелку.

Хохол пошел в душ, отчаянно жалея добрую Дашку, искренне горюющую по Марине. Но даже намекнуть ей на то, что Коваль жива, он не мог – никто не должен знать, и так уже слишком много народу в теме. А любое не так и не там сказанное слово способно поставить Маринину жизнь под угрозу.

Три года спустя, Бристоль, Англия

– Я уехала, мужики! – Марина стояла, готовая к выходу из дома, рылась в сумке в поисках мобильного.

– Поздно вернешься? – Хохол вышел из гостиной, где смотрел телевизор, прислонился к стене плечом и наблюдал за любимой.

– Даже не знаю, как пойдет. Хочу еще в церковь заглянуть. Женька понимающе кивнул – с того момента, как снова смогла ходить, Марина часто посещала церковь Сент-Мэри-Рэдклифф, и не потому, что стала вдруг католичкой, нет – атмосфера в этом месте умиротворяла ее, а звуки органа, возносящиеся под высокий свод старого готического храма, будили в душе какие-то непонятные эмоции. Потом Коваль возвращалась домой совершенно другим человеком, какое-то время молчала, словно смотрела внутрь себя, а потом становилась прежней. Но ездила всегда одна, без свидетелей, не хотела, чтобы кто-либо ей мешал.

Вот и сегодня, вместо того, чтобы ехать в ресторан, где и дел-то особых не было, она направилась сразу в церковь. Оставила машину в двух кварталах и пошла пешком, наслаждаясь майским солнцем, еще не таким жарким, как летом. Прежде, чем войти внутрь, Марина села на скамью и задумалась. Может, попробовать уговорить Хохла съездить в Россию? Пусть не домой, а в Москву, к отцу? Хотя... смысл

ехать и не побывать на кладбище, на могиле Егора, там, где похоронена ее душа, которая никогда уже не воскреснет? Но Женька категорически против, вот уже три года, как он упирается и орет благим матом, стоит только заговорить на эту тему. Марина так и не смогла пока выяснить причину, всякий раз подобные разговоры заканчивались ссорами. Хохол что-то скрывал от нее. Впервые в жизни, и это было очень странно.

– Леди так задумалась о чем-то, что не замечает ничего вокруг. – Приятный женский голос заставил Марину отвлечься от своих мыслей и чуть скосить глаза в сторону.

Рядом с ней на лавке сидела монахиня, совсем молодая женщина в скромном сером платье и традиционном монашеском головном уборе – то ли косынке, то ли шапочке с длинным концом, спадающим на плечи. «Апостольник, кажется, это называется», – механически отметила про себя Марина, снова взглянув на монахиню. Ее чуть удлинненное лицо вызвало желание смотреть, не отрываясь, янтарные глаза блестя, а губы улыбались доброй, спокойной улыбкой.

– Я помешала вам?

– Нет, сестра, совсем нет.

– Я вижу вас не впервые, вы приходите сюда довольно часто. – Голос у монахини был мелодичным, чем-то похожим на Веткин.

– Да, я люблю бывать здесь. – Марина повернулась так, чтобы видеть собеседницу. – Это место успокаивает меня.

– Здесь хорошо, вы правы, – улыбнулась монахиня. – А у вас в душе что-то происходит, что-то такое, чему вы не находите объяснения, ведь так? Можете не отвечать, у вас все в глазах написано. Поговорите об этом с Господом, вам станет легче.

– К моему глубокому сожалению, я не католичка и вообще не особо верю в бога. Но вам спасибо за совет, сестра.

По напряженному тону монахиня поняла, что вторглась туда, куда не стоило бы, а потому поспешно извинилась и встала.

«Что за вид у меня – постоянно каких-то странных людей притягиваю», – с досадой подумала Коваль, тоже поднимаюсь со скамьи. Заходить внутрь церкви она уже не стала, пошла к машине.

Ресторан находился рядом с портом, одна из его террас «висела» прямо над Эйвоном и называлась «рыбной террасой», именно там собирались любители рыбных блюд. Была еще «украинская терраса», как дань уважения Хохлу, и «русская», где подавались традиционные, по английским понятиям, блюда русской кухни – блины с икрой, щи, пельмени, ватрушки с творогом и прочая калорийная вкуснятина. Сама хозяйка в собственном ресторане ела редко, предпочитала все-таки «Токио», но сегодня, едва войдя, уловила запах кислых щей и пирогов с капустой, а потому не смогла отказаться и попробовала и того, и другого.

– Ну как, миссис Мюррей, годится? – поинтересовался

шеф-повар, лично подававший хозяйке заказ.

– Замечательно, Энтони. Ты просто волшебник. Ты учился в каком-то особом заведении?

– Поваром нужно родиться, миссис Мюррей, – улыбнулся русский мальчик Антон Свидеров, выросший в городе Иркутске, а в Англию приехавший работать, чтобы накопить денег на достойную жизнь в России. – Это как со вкусом в одежде – он или есть, или нет, и уже никто не научит.

– Соображаешь! – улыбнулась Марина. – Я слышала, клиенты довольны, делают заказы даже на дом?

Антон пожал плечами и промолчал – не в его привычках было расхваливать себя, хотя цену себе он знал.

– Можешь идти, Энтони, спасибо за чудесный обед.

Повар ушел, а Марина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, вспоминая пироги с капустой, которые пекла Женькина бабка. Интересно, жива ли она? И что делает сейчас ее верная домработница Даша, прожившая много лет в доме Малыша? Хохол говорил, что ее забрала к себе Виолка. Как и однорукого телохранителя Гену. Марина очень привязывалась к людям, страдала от расставания с теми, кто был близок к ней. Здесь, в Бристоле, она вообще была лишена общения, если не считать работников ресторана, домработницы Сары и Хохла с Егоркой. Не то чтобы она страдала от этого, но иногда становилось совершенно невмоготу, и тогда Коваль звонила Виоле. Если была возможность, та прилетала буквально через неделю, если нет – они просто болтали

по телефону, и это давало Марине ощущение, что она побывала там, дома. Но это все равно было не то, не то...

Марина часто вспоминала первые дни в Бристоле, когда она начала соотносить и оценивать ситуацию. Открыв однажды глаза и обнаружив перед собой на стене огромный черно-белый постер с собственным изображением, она заплакала, поняв, где находится. Вошедший в спальню Хохол опустился на колени перед кроватью и по традиции взял Марину за руку:

– Котенок... доброе утро...

– Пошел отсюда! – срывающимся голосом приказала Коваль, и Хохол едва не упал.

– Маринка... родная ты моя, котенок...

– Я сказала – пошел отсюда!

– Все, пошел, пошел, – поспешно согласился он, вставая.

Из-за двери раздался его радостный вопль. Он ждал этого почти три месяца, этой первой осознанной фразы, пусть даже такой грубой. Хохол понял и причину недовольства – Марина терпеть не могла Англию, Бристоль, этот дом, где все напоминало о Малыше, о том времени, что она провела здесь. Обо всех своих догадках Хохол рассказал ей потом, когда все понемногу улеглось и наладилось, когда Марина перестала возмущаться по поводу переезда и начала принимать все произошедшее как необходимую меру. Но злость на Хохла прошла не скоро, то и дело Марина набрасывалась на

него с обвинениями, а он только отмалчивался.

Сейчас Коваль бывало стыдно. Но тогда она убить была готова своеговольного любовника. Марина отказывалась выходить из дома, отказывалась спускаться в столовую, с Егоркой общалась только в своей спальне, лежа в постели. Мальчик забирался к ней с книжкой или альбомом и фломастерами, они читали, рисовали или писали буквы, которые до этого показал Егору Женька. Только сын заставлял Марину мириться с пребыванием в этой стране, только его доверчивые глазенки, настороженно глядящие в лицо матери. И именно Егор впервые заставил ее выйти на улицу. Это произошло через пять месяцев после переезда. Все это время упрямая Коваль провела в доме, позволяя себе лишь краткосрочные экскурсии на балкон. Она заставляла себя ходить по комнате, сначала опираясь на стулья и стены, затем уже самостоятельно. По ночам, когда все засыпали, спускалась и поднималась по лестнице. Тренировки принесли свои плоды – Марина вновь стала ходить и научилась владеть своим телом, почти восстановилась после операции и последующего длительного лежания в постели.

Егору исполнилось три года, он уже довольно хорошо говорил по-русски и пытался произносить что-то по-английски. И в день своего рождения он попросил Марину пойти гулять, причем на двух языках, и отказать ему не смогла даже такая законченная эгоистка, как она.

Коваль впервые нанесла макияж, вставила зеленые линзы,

извлекла из огромного шкафа длинное черное пальто и кашемировую шаль, черные джинсы и водолазку, которые просто обожала, высокие замшевые сапоги. Когда она появилась на первом этаже, сидевший в гостиной Хохол тихо ахнул – перед ним стояла прежняя Марина, немного бледноватая после месяцев затворничества, но все такая же красивая.

– Котенок, куда собралась? – спросил он, выйдя в прихожую и обнаружив полностью одетого Егора. – И не одна, смотрю.

– Гулять, – процедила она, застегивая ботинки мальчика.

– А меня не позовешь?

– Хочешь – собирайся.

Обрадованный Женька метнулся наверх, натянул первые попавшиеся под руку джинсы и свитер, схватил куртку и перчатки и опрометью вернулся обратно:

– Все, я готов, поехали. Куда ты хочешь, котенок?

– Мне все равно, куда скажет Егор, туда и поедем.

– Парк, парк! – завопил Егорка, подпрыгивая на одной ноге.

– Откуда он знает про парк? – спросила Марина, выходя из дома, и Хохол улыбнулся:

– Это ты у нас как Диоген в бочке, а мы с Егоркой уже весь город обошли. Тут, правда, обходить-то нечего. В порту были, на корабли смотрели, да, сынок? – обратился он к идущему между ними Егорке, и тот радостно закивал головкой. – Машину я купил, пока Валерка здесь был, я ж по-

английски-то тупой совсем, так он помог. «Геленваген» взяли, «гнилая вишня» цвет называется, представь? Сейчас посмотришь...

Женька говорил и говорил, словно компенсировал себе пять месяцев одиночества, пять месяцев без нее. Марине вдруг стало нестерпимо жалко его, она представила, как он прожил это время совсем один, если не считать Егора, в чужой стране, без знания языка, с висящей на руках больной женщиной и ее выкрутасами. Она остановилась и взяла Хохла за руку, развернула к себе лицом и, глядя в глаза, произнесла:

– Прости меня, если можешь...

Он растерянно заморгал пушистыми ресницами:

– За что?

– За все, Женька, за все... – Она встала на цыпочки и поцеловала его в губы, оставив на них красный отпечаток.

– Мама, мама, меня, меня тоже! – запрыгал Егорка, хватаясь ручками за ее пальто.

– И тебя, разумеется! – засмеялась Марина, подхватывая его на руки и сгибаясь от неожиданной тяжести маленького тельца.

– С ума сошла! – испугался Хохол, выхватывая у нее сына. – Тебе нельзя, Валерка сказал не поднимать тяжестей!

– Все, не буду. – Это был первый случай, когда Коваль поняла, что не ослушается запрета врача. – Ну, показывайте тачку, мужики!

Хохол вывел из гаража огромный бронированный «мерс» странного цвета – и не вишневый, и не розовый.

– Говорят, сейчас самый модный цвет. – Хохол вышел и пнул ногой переднее колесо. – Садитесь, поедем кататься.

Они катались почти до вечера, успели погулять в парке, завернуть в салон красоты, где Марина сделала короткую стрижку и маникюр, бродили возле огромного католического собора в самом центре, рассматривая скульптурки, украшавшие его. Потом долго сидели в небольшом ресторанчике, как нормальная семья в субботний вечер. Хохол не сводил влюбленных глаз с Маринино лица, новая прическа очень ей шла, делала моложе. Марина тоже чувствовала, как внутри что-то теплеет, просятся наружу забытые эмоции, ощущения.

– Женя... поедем домой...

– Ш-ш, любимая, я ведь Джек теперь...

Она растерялась:

– Да? А я? Кто я?

– А ты Мэриэнн Мюррей, вдова Грегори Мюррея, мать его сына Грега. А что ты думала? – усмехнулся он. – Отец твой каким-то макарон ухитрился такие документы выправить. А я твой бойфренд Джек Силва.

– А почему Джек?

– Ну Жека – Джек – какая на фиг разница? Может, поедем домой, ты не устала? – Он внимательно посмотрел ей в глаза, и Марина поняла, о чем он думает.

– Да, родной, поедем.

В эту ночь впервые за долгое время они были близки, занимались любовью, вспоминая все, что было у них раньше. Хохол обезумел от страсти, и Коваль улетала от его прикосновений, выгибалась в его руках, закрыв глаза и закусив губу. Ей уже давно не было так хорошо. Женька же, бережно касаясь татуированными руками ее кожи, старался продлить каждый миг, каждую секунду. Он целовал ее полуприкрытые глаза, прихватывал зубами мочку уха с топазовой серьгой и вздрагивал от наслаждения, слыша, как с ее губ срываются чуть хрипловатые стоны.

– Дай мне поцеловать тебя... – попросила она, когда Хохол снова перевернул ее на живот и начал поглаживать спину. – Я забыла твой вкус...

– Иди сюда... – он лег на спину, и Марина, повернувшись, коснулась его губ и застонала:

– Го-осподи, родной... как давно все это было...

– Я так тебя люблю, Маринка...

– Женька... как ты решился провернуть такое? В смысле – увезти меня в Англию, а?

Хохол тяжело вздохнул, обнял Марину, прижав к своему боку:

– Котенок, я не хотел, чтобы ты знала правду, но... ты только не сердись, обещаешь? В общем, мне пришлось сделать одну вещь...

– Ну, говори, не мнись, – подстегнула она, касаясь губами его груди.

– В общем... похоронили мы тебя, котенок... – вздохнул Хохол, и его руки, обнимавшие Марину, дрогнули. – Похоронили рядом с Малышом, и никто не знает, что ты жива, только Ветка, Мышка и Вилли, он труп гримировал... Ты... ты смеешься?! – Он не поверил себе, отстранил Марину и удивленно уставился в ее смеющееся лицо.

– А что мне делать, по-твоему? – вытирая заслезившиеся глаза, проговорила Коваль. – Думаю, что ваших слез вполне хватило, чтобы сделать церемонию траурной. Наконец-то меня похоронили, и весь город вздохнул с облегчением! О-о-о! Это лучшая новость за последнее время!

Она снова залилась смехом, откинувшись на подушки, а Хохол покачал головой:

– Ты рехнулась...

– И что – от этого ты любишь меня меньше, родной?

– Конечно нет, зачем ерунду говоришь? Если бы ты знала, как мне было без тебя...

– Остановись – я не люблю слабых мужиков, – со смехом закрыла его рот ладонью Марина. – Я люблю грубых, жестоких мужланов...

Хохол легко перевернул ее и навалился сверху, целуя:

– Даже не проси, ничего не будет. Ты еще совсем слабая, не надо экспериментов. Валерка сказал, что я должен тебя беречь...

– А если бы Валерка не сказал?

– Да по фигу мне Валерка, и без него все знаю. Я понял, что уже не смогу жить один, без тебя и Егора. Оказывается, это так страшно – остаться одному. Никогда об этом не думал, а тут, за эти пять месяцев, что только в голову не приходило.

Он взял ее лицо в свои ручищи и заглянул в глаза:

– Маринка... ты вернулась?

– Что за чушь? Совсем спятил, болезный. Вот она я, лежу с тобой.

– Я не об этом. Ты лежишь в этой спальне уже пять месяцев, и все время где-то не здесь, не со мной. А сегодня...

– А сегодня я вдруг поняла, что не могу больше быть не здесь. Я знаю, Женька, мой эгоизм поражает масштабом, но постараюсь как-то с этим бороться.

– Да не надо бороться ни с чем – просто меня не отпихивай. Мне ничего не нужно – ни денег, ни другого чего...

Хохол сел, накинув на плечи одеяло, потянулся к тумбочке и взял сигарету.

– Знаешь, ведь все там, дома, думали, что я после твоих похорон подомну под себя все, что у тебя было, – он невесело хмыкнул. – Можно подумать! А как все задрожали, заиграли одним местом, если бы ты только знала! И твои, и Ворон, и Бес – все. Никогда они не понимали, что есть вещи важнее власти и денег.

– Ну, подозревать ближнего у нас дело обычное, ты ведь

знаешь. — Марина тоже села и потянулась к пачке, вытащила сигарету. — Все боятся, что найдется некто, кто будет сильнее, удачливее. На фиг думать об этом теперь, когда мы уже далеко и нас это больше не касается.

Она курила, то и дело разглядывая тлеющий кончик сигареты, а Хохол настороженно наблюдал за ней — он до сих пор так и не научился предугадывать ее поведение, слова и поступки. И то, что минуту назад Марина спокойно философствовала о чем-то, вовсе не значило, что в следующее мгновение она не фыркнет в ответ на какую-нибудь безобидную мелочь. Но именно эта непредсказуемость и привлекала, заставляла постоянно быть в тонусе и не расслабляться.

Почему именно сегодня, сейчас ей вспомнился тот день, Марина не знала. Просто вспомнила. Это потом, со временем, все стало меняться и не всегда в лучшую сторону. Хохол начал выпивать, Марина тоже вспомнила свою любовь к мексиканской самогонке и частенько позволяла себе впасть в алкогольное забытие. Но это происходило только после ссор на тему поездки в Россию. Стоило Марине заговорить об этом, как Женька выходил из себя и орал, что не для того провернул такую сложную и хитрую комбинацию, чтобы теперь спустить все в канализацию из-за сиюминутной прихоти. Коваль не понимала, почему он так упорствует, — в конце концов, можно ведь и не ехать домой, просто побыть в Москве у отца, но Хохол настаивал, что и это небезопасно.

Но именно сегодня Марина вдруг решила – хватит! Хватит прислушиваться к его бредням. Прошло три года, о ней уже и думать забыли, да и кому придет в голову искать ее? Ей нужно поехать домой, она три года не была на могиле мужа, куда раньше ездила чуть не каждую неделю. Охваченная возбуждением, она с трудом сдержалась, чтобы не позвонить Хохлу прямо сейчас, решила все-таки поговорить дома и настоять на своем. Но в последний момент ей в голову пришла совсем другая идея...

Через несколько часов она позвонила Хохлу и велела немедленно ехать в большой отель в центре города.

– А Егора я куда дену?

– Сара в курсе, я попросила ее побыть с Егором до тех пор, пока он не ляжет спать.

– И что – эта мымра потом останется у нас ночевать? – недовольно спросил Женька, который терпеть не мог похожую на облезлую мышь Сару.

– Я тебя прошу – сделай так, как я сказала, – теряя терпение, проговорила Коваль и закрыла крышку мобильного.

Когда недовольный загадками Хохол позвонил снизу, она нежилась в огромной джакузи в номере для новобрачных.

– Поднимайся, дорогой, – промурлыкала Марина, вытягивая вверх ногу, по которой стекала ароматная пена.

Она так и не вышла из воды, хотя слышала, что Женька уже в номере.

– Я в ванной, можешь присоединиться...

– Ну, и к чему весь цирк? У нас что, дома... – И Хохол замер на пороге, подавившись словами – в джакузи улыбалась платиновая блондинка с короткой стрижкой и глазами Коваль. – ...Твою мать! Ты хочешь, чтобы я от разрыва сердца умер?! Совсем спятила! Что ты с собой сделала?!

– Тебе не нравится? – улыбнулась она, потягиваясь.

Хохол резко выдохнул, стараясь успокоиться.

– Нравится... просто очень резко, ты никогда не была блондинкой... – пробормотал он, садясь на край джакузи.

Марина встала на колени и обняла его, прижавшись мокрым телом к кожаной куртке. Хохол впился в ее рот так, словно не делал этого много лет, его руки скользили по влажной коже, заставляя ее покрываться мурашками. Он чувствовал, что еще секунда – и не выдержит...

– Не торопись... – прошептала ему на ухо Марина, которая тоже это поняла. – Не ломай все... раздевайся.

В считанные секунды Хохол сбросил всю одежду и шагнул в горячую воду, садясь напротив Коваль, погружившейся в бурлящие пузырьки до самой шеи.

– Значит, тебе не понравился мой вид? – лукаво улыбаясь, спросила она, поставив ногу ему на грудь.

– Я же сказал – понравился, просто неожиданно. Тебе даже идет, – он поймал ее узкую ступню и сжал пальцы. – А как заводит...

– О, я так и знала... тогда... чего ты ждешь? – Она освободи-

дила ногу и перевернулась так, что оказалась спиной к Хохлу, откинула голову на его плечо.

Руки Хохла легли на грудь, чуть сжали ее, губы коснулись уха с маленькой бриллиантовой серьгой, обдав его жарким дыханием.

– Да, родной... что же ты замер? – прошептала Марина, закрывая глаза и предвкушая то, что сейчас произойдет.

Хохол очень старался быть нежным и ласковым, но внутри себя ощущал острое желание сделать ей больно – она сама научила его. Но сегодня он сумел победить в себе это желание и делал только то, чего хотел сам. Ласкал ее тело, разогореченное водой, почти невесомое, тонкое и гибкое. Несмотря на возраст, Марина все еще оставалась стройной и подтянутой, хотя ничего не делала для этого специально, разве что массаж, да еще танцевала иногда. Женька не уставал удивляться этому, и не только он – все, кому Марина говорила, сколько ей лет на самом деле, пребывали в легком недоумении.

– Котенок... красавица моя... – прошептал он ей на ухо, поглаживая грудь под водой. – Я так люблю тебя... – Его губы заскользили вниз по шее, прошлись по правому плечу, снова вернулись к уху.

«Ну, давай, давай, – про себя подстегивала Марина. – Давай, скажи то, чего я жду от тебя все это время! Ну, скажи же...»

Хохол поднялся на локтях, упираясь ими в борта джаку-

зи, вынырнул почти до половины, и Коваль перевернулась, скользя губами по выпуклой груди и накачанному прессу вниз. Она всегда умела довести его до края, до той грани, за которой уже невозможно ничего контролировать, и Хохол любил это ощущение собственной беспомощности, зависимости от любимой женщины.

Когда его звериный рев взмыл к потолку, Коваль улыбнулась и приникла к его груди всем телом.

– Го-о-о-споди! Проси, что хочешь... – прохрипел Женька. И это было как раз то, чего она и добивалась:

– Мы едем в Россию, все втроем, на пару недель.

Хохол, очнувшись, отпихнул ее от себя:

– Что?!

– Что слышал, – спокойно ответила Марина, раскинув руки на бортах джакузи.

– Значит, для этого – все?

– А ты думал, что от неземной любви к тебе? – насмешливо отозвалась она, и Хохол, взревев, дал ей пощечину:

– Сука! Стерва чертова! Развела?! Меня развела?!

– Сам развелся, – по-прежнему спокойно парировала Марина, смочив водой горящую щеку. – Ну, что остановился? Давай, бей меня дальше, не стесняйся – ты ведь сильнее, я не стану сопротивляться.

Хохол сразу опомнился, хотя в душе все кипело от гнева на хитрую и беспринципную в чем-то любовницу.

– Зачем тебе в Россию? – хмуро спросил он, стараясь не

смотреть на красное пятно, оставшееся от его пятерни на нежной бледной коже. – Жить надоело?

– Да кому я там нужна? Кто меня помнит-то? Три года прошло, официально я мертва. – Марина скользнула в воду, окунув плечи. Ее ноги снова уперлись в грудь Хохла, он перехватил их и стал осторожно массировать, так, что она закрыла глаза и совсем расслабилась, получая удовольствие. – М-м-м, родной, сейчас ты уговоришь меня...

– Если бы так же легко, как на секс, я мог уговорить тебя никуда не ехать, – вздохнул Хохол, продолжая свое занятие. – Но ты явно все уже спланировала и просто решила поставить меня в известность.

– За что получила пощечину, как шлюха на рынке, – не открывая глаз, заметила Марина, и Женька поцеловал ее тонкую щиколотку:

– Котенок... прости, не смог сдержаться...

– Теперь синяк будет, ручища-то у тебя каменная, – пожаловалась Коваль, прикасаясь пальцами к щеке.

– Давай лед положим.

Он выбрался из джакузи и скрылся в комнате, поколдовал там и вскоре вернулся с полотенцем, в которое были завернуты кубики льда:

– Подержи вот так... – Он приложил узелок к ее щеке, а сам снова забрался в воду, потянулся к крану и сделал погорячее. – Замерз, пока бегал.

– Хочешь, я тебя погрею? – улыбнулась Марина, прижи-

мая к щеке полотенце со льдом.

– Да уж, ты меня недавно так погрела, что подумать страшно, – усмехнулся он, снова забирая ее ноги и начиная мять. – Зачем тебе нужна эта поездка, скажи мне?

Марина не ответила, положила голову на край джакузи и закрыла глаза, чувствуя, как щека немеет от холода, а тело расслабляется от массажа. Она уже почти не вспоминала о том, как полгода передвигалась только на руках у Хохла или в инвалидном кресле. Все это было результатом ранения в позвоночник, и это еще легко отделалась, считала Марина. На ноги встала, снова начала ходить, хотя нога и болит при перемене погоды – чего еще желать? Да и Хохол никогда не забывал про массаж на ночь...

– Уснула, что ли? – поглаживая ее ноги, спросил Женька. – Может, на кровать? Время есть...

– У нас вся ночь впереди... – пробормотала Марина. – Я договорилась с Сарой...

– Ах ты, хитрая стерва! – засмеялся Хохол, притягивая ее к себе. – Все продумала? Ну, радуйся – тебе удалось. Я расслабился, потерял бдительность и готов теперь на все, что только ты скажешь...

Она прижалась грудью к его груди, обняла за шею и поцеловала. За столько лет Марина неплохо изучила привычки и предпочтения своего любовника, его характер и повадки, а потому манипулировать им ей не составляло никакого труда.

Собственно, как и большинство мужчин, Хохол видел в

ней прежде всего сексуальную женщину, привлекательную и желанную, и это всегда помогало Коваль легко добиваться своей цели, пообещав взамен награду. В большинстве случаев она умело ускользала от расплаты, но не с Хохлом – с ним она получала удовольствие.

Они ночевали в отеле, впервые за три года оставшись вдвоем, без Егорки. Просто лежали на огромной кровати номера для новобрачных обнявшись – и не могли уснуть. Каждый думал о своем...

– Знаешь, Женька, я даже не представляла, что смогу вот так сильно привязаться к кому-то после смерти Егора, – тихо проговорила Марина, уютно устроившись под рукой Хохла. – Мне казалось, что все в жизни кончилось... Но ты оказался рядом, ты смог убедить меня в том, что я ошибаюсь... Нет ничего, чего ты из-за меня не вытерпел...

– Я об этом не думаю, – медленно поглаживая ее обнаженное плечо, проговорил Хохол. – Я и сам не знал, что смогу устроить свою жизнь по-другому. Говорят, есть сценарий, который нельзя сломать. Раз сел в тюрьму – все, тебе только одна дорога – зона, снова и снова. Круг, который не разорвать. Мало кому удастся, единицам, а большинство так и бродит по этому кругу всю жизнь, сколько отмерено. А мне повезло. И, знаешь, думаю, что если бы не ты... Так и шло бы все – косяк, суд, зона, откидка, снова косяк... – Хохол лег на бок, осторожно вынув руку из-под Мариной головы, повернул Коваль лицом к себе. – Понимаешь? А ты меня

от этого уберегла, показала, что и по-другому бывает.

Она смотрела в его просветлевшее лицо и видела, насколько ему дорого все, что связывает их. В серых глазах плескалась нежность, а чуть обветренные губы вдруг тронула легкая улыбка:

– Я очень тебя люблю, Маринка...

Вместо ответа она дотянулась до его губ и поцеловала, чувствуя вкус сигареты. Марина уже не представляла себе жизни без этого человека, без его заботы и помощи, без его любви...

Три года назад, Россия

– Значит, так, Хохол...

Бес в дорогом строгом костюме мерил шагами кабинет в своем загородном доме и старался не смотреть на развалившегося в кресле Хохла. Даже эта непринужденная и откровенно хамская поза отморозка Жеки сейчас не раздражала пахана, хотя в другое время он ни за что не позволил бы подобного. Но сегодня был совсем другой случай – не до придинок.

В глубине души Григорий Андреевич Орлов по кличке Бес испытывал что-то вроде угрызений совести. Он прекрасно понимал, что сидящий перед ним человек потерял не просто хозяйку – любимую женщину, остался с маленьким пацаном на руках, причем пацан этот – его, Гриши Беса, двоюродный племянник. Но закон требовал, чтобы Жека Хохол признал тот факт, что стоять над бригадой Наковальни у него права нет. Хотя... Бес был представителем так называемой «новой формации» воров и не слишком придерживался старых законов, да и кто их помнит-то уже? Если уж смотреть по существу, Жека Хохол был наиболее реальным кандидатом на место покойной Наковальни, потому что ее отморозки привыкли к нему и не делали различий между ним и самой Мариной. Однако почему-то вдруг взбрыкнул Мишка Ворон – категорически заявил, что не потерпит за одним сто-

лом с собой беспредельщика Хохла. Не прислушаться к его мнению Бес не мог и вот теперь маялся, не зная, как начать неприятный разговор.

– Так вот...

– Да не мнись ты, Бес, – лениво протянул Хохол, прекрасно понимавший причину приглашения к пахану и его душевные томления. – Ворон против, чтобы я на место Наковальни встал? Так то не новость. И не надо мне. Заберите все. Для себя прошу только одно – не вмешивайся в мои разборки с Ревазом, дай отомстить так, как я хочу.

Бес удивленно вскинул брови, потом потер пальцем переносицу.

– А ты, значит, решил все-таки вендетту замутить?

Хохол в ответ спокойно кивнул:

– А то! Я не могу спустить убийство Наковальни просто так. Я знаю, что менты искать не будут, они рады-радешеньки, что ее нет больше, а у меня сердце ноет – она в земле, а эта тварь в кабаках зависает. Не будет такого, я сказал!

Огромные ручки сжались в кулаки, и Бес даже поежился – представил, как такая кувалда опустится на чью-то голову и что будет потом... Перед ним встала дилемма – разрешить Хохлу резать ревазовских значило дать добро на волну беспредела и крови, что явно не оценят милицейские начальники. А запретить – и Хохол попреет в открытую, поднимет всю бригаду и наплюет на чьи-то там принципы и желания. А именно – на Мишку Ворона и на него, Беса. И это уже со-

всем плохо. Выбора не было...

– Но ты потом точно не станешь претендовать на бригаду? – подозрительно уточнил Бес, и Хохол расхохотался, оскалив волчьи зубы:

– Ка-ак ты этого боишься, Бес! Не очкуй, я сделаю свое дело и свалю из города насовсем.

– Куда?

– А поеду... куда глаза глядят, – хохотнул Женька, закуривая. – Страна большая...

Бес напрягся сильнее – это что еще за новости? Куда собрался валить этот отморозок с пацаном на руках? Разве что к своей бабке, говорили как-то знающие люди, что в деревне где-то живет у Хохла старая бабка... Но хоть из города уберется, не будет постоянно маячить перед глазами, вызывая пароксизмы больной совести – и то хорошо. Да и Виола успокоится, перестанет стонать по поводу оставшегося без матери мальчишки, а то у него, Беса, уже ощущение, что он обязан усыновить ребенка собственного брата. И еще Хохол этот...

– Ладно, считай, договорились, – вздохнул Бес, мечтая, чтобы гость встал после его слов и уехал восвояси. – Но гляди – если менты присватаются, я не в теме, впрягаться не буду.

Хохол промолчал, только смерил его насмешливым взглядом, от которого Бесу стало не по себе, встал из кресла и направился к двери. В другое время за такое нахальство Бес в

рулон бы его скатал, но не сегодня, не сейчас... Сейчас нужно было сделать еще кое-что, а именно – через подставных людей выкупить у Хохла «Империю удачи» и «МБК». Именно через подставных, чтобы никто не узнал, что Бес прибегает к рукам имущество жены погибшего брата. Да, зачем огласка? А денег он не пожалеет, торговаться не станет: все-таки мальчишка – племянник...

Бес подошел к окну и отдернул тяжелую портьеру, расписанную вручную тонкими золотыми штрихами. Хохол сидел в старый «Хаммер» Наковальни. Когда машина вылетела за ворота, Гриша Бес вздохнул с облегчением, налил себе полный стакан водки и залпом выпил, чувствуя, как отпускает...

– Сука, тварь, паскуда позорная! – разъяренный Хохол метался по каминной, изрыгая проклятия.

У зажженного камина сидел Гена, помешивал кочергой угли и усмехался, глядя на беснующегося Женьку. Уже десять минут тот только орал и матерился, не объясняя причины и не называя адресата, которому предназначалась эта тирада.

– Ну, сволочь! Это же надо! На кого?! На семью брата!!! Думал, что я не пойму, о чем он заботится?! Да не о Егорке, точно, а о том, как бы все под себя подобрать! Не удивлюсь, если еще и Ворон присватается!

Гена смекнул наконец, о ком идет речь – о Бесе, понятное

дело. Но что произошло между ним и Женькой?

– Жека... ты был у Беса? – осторожно спросил он, возвращая кочергу на место в специальной стойке рядом с камином.

– Был, – выдохнул Хохол, опускаясь в кресло и выбивая из пачки сигарету.

Высадив ее за пару затяжек, Женька прижал окурок в пепельнице и посмотрел на Гену.

– Представляешь, как думал обставиться этот урод? Подослал ко мне своего человека по поводу покупки «Империи». А я этого Ложкина знаю как облупленного, еще когда со Строгачом ходил, знал, да и сейчас в курсе, что он на Беса работает.

– Ну и что? Ты ведь все равно собираешься продавать ее, так какая разница, кому?

– Да не в том дело! И не в деньгах даже... Просто человеком надо быть, че-ло-ве-ком! Приехал бы ко мне, поговорил нормально – мол, продай, не отказал бы, мне и в самом деле все равно, кому продавать контору. Но нет – он в обход двинул, потому что боится, а ну как остальные узнают, что загреб Гриша сильно много? – Хохол скривился брезгливо. – Не по-мужски это, Гена, вот что.

Гена молчал. В словах Хохла был резон – что стоило Бесу самому приехать и честно заявить о своем желании купить «Империю»? Зачем было разводить тайны с подставными лицами? Хохол и в самом деле не отказался бы продать

компанию ему – какая разница, у кого брать деньги.

Неслышно вошла Даша с телефонной трубкой в руках:

– Женя... Маша звонит чего-то...

– Ну?! – задохнулся от нетерпения Хохол, выхватив трубку и взглядом велел Даше выйти. – Машка, что? Да говори ты!

– Не кипи, – осадила Мышка. – Все узнаешь. Доктор сказал, что наметился небольшой сдвиг. Они какое-то обследование сделали, так вот – мозг в порядке, все там хорошо. Видимо, дело все-таки в наркозе, как Валерий Михайлович и говорил.

– Елки зеленые – уже пять! – ахнул Хохол, глянув на часы. – Мышка, я приеду, я должен сам увидеть! – И бросил трубку.

Он в панике заметался по дому, удивив домработницу и Егоркиного охранника, побросал в сумку парик, костюм и все остальное и опрометью выскочил из дверей, бросившись к гаражу. Через пять минут «Хаммер» уже понесся по улице в направлении городской трассы.

– Что это с Женькой? – недоуменно спросила Даша, и Геня, тоже наблюдавший за происходящим с изумлением, хмуро отозвался:

– Не наше дело, Даша. С ним вообще что-то странное творится, а что – он даже мне не говорит. Ладно, пойду, сейчас няня домой поедет, мне к Егору пора.

Он ушел наверх, в детскую, а Даша принялась доставать

из духовки булочки и пирог с брусникой. Обычно перед тем, как няне уехать, они вдвоем пили чай и разговаривали. У женщин было много общих тем – обе одиноки, жили с матерями, обе вынуждены были зарабатывать себе на старость. Однако если Дашу это совершенно не угнетало, то Наталья Марковна со своим высшим образованием считала такую работу унижительной. Даша же не понимала, что такого в их нынешнем положении, чего следовало бы стыдиться – такую зарплату не платили на государственных предприятиях и в учреждениях, труд не особенно тяжелый, особенно у няни – Даша успевала делать всю свою работу и еще присматривать за Егором, пока не появилась Наталья Марковна. Домработница искренне не понимала, что постыдного в том, чтобы работать няней в приличном доме.

Наталья Марковна спустилась из детской и прошла в кухню, налила стакан воды и положила в рот какую-то таблетку.

– Давление что-то прыгает, – пояснила она Даше, расставляющей на столе чайные чашки. – О, брусничный пирог! Даша, вы чудо!

– Ну, это не сложно, Наташенька, – улыбнулась домработница, подвигая блюдо с нарезанным пирогом ближе. – Вот еще сметана с сахаром, как вы любите.

– Спасибо, с удовольствием.

Няня покрыла кусочек пирога слоем взбитой с сахаром сметаны, откусила и зажмурилась от наслаждения. Даша помешивала чай и задумчиво смотрела на большую банку ко-

рицы, стоявшую на полке со специями. Именно эту банку брал в руки покойный Егор Сергеевич, когда варил кофе жене, она помнила его прикосновения и прикосновения самой Марины. Вроде бы пустяк, мелочь – а столько воспоминаний, от которых болит сердце. Даша смахнула непрошеные слезы и постаралась отвлечься:

– Наташа, ну, как сегодня день прошел?

– Да неплохо. Егор почти не капризничал и к маме не просился каждые пять минут – это уже хорошо. Не знаю, может, это и не мое дело, но все-таки зря все кругом обманывают его, говоря, что мать уехала. – Няня отпила чай, аккуратно поставила чашку на блюдце. – Ребенок надеется...

– Знаете, Наташа, Евгений Петрович делает так, как считает правильным, и мы ему тут не советчики. И вообще в этом доме никто не указывает хозяину, что делать.

– Даша, а вас не коробит вот это – хозяин? – полюбопытствовала няня, водя пальцем по краю чашки. – Особенно если учесть, что хозяин едва школу окончил, весь в наколках и говорит на аргю?

Даша могла вынести что угодно, но не пренебрежение к кому-то из живущих здесь. Она не делала разницы между хозяевами и охраной, относилась одинаково хорошо и к покойному Егору Сергеевичу, у которого начинала работать, и к появившейся здесь чуть позже красавице Марине, и к ее любовнику Женьке, и даже к новому охраннику на воротах. А Хохол в последнее время вообще казался ей святым – то,

как он относился к маленькому Егорке, сильно возвысило его в Дашиных глазах, да и вообще – она видела, как непросто ему давалась жизнь с Мариной и без нее.

– Вот что, Наташа, – начала она. – Я не люблю ругаться и спорить, уж такой я человек, но вот про Женьку вам так скажу – не троньте его! Он умнее многих образованных и порядочнее многих несидевших, вот так! Вы ничего не знаете ни о нем, ни о его жизни, ни об этом доме вообще, так что не вам судить. А я тут очень давно, всякое повидала – и меня не коробит ничего из происходящего. Если вам невмоготу – чего ж не уволитесь? Я скажу – потому что таких денег вам не заплатят нигде, и ребенок просто золото, и развозят вас на машине туда-сюда, и мать вашу Марина Викторовна, когда жива была, в больницу хорошую устроила. Что – не так? – Даша была вне себя от негодования, лицо покраснелось, глаза сверкали, и няне стало немного не по себе. – И молчите вы сейчас потому, что я правду говорю.

Даша резко отодвинула от себя чашку и, встав из-за стола, кинулась к раковине и открыла воду. Она принялась мыть посуду, а няня, наскоро допив чай, попрощалась и вышла.

Даша удивилась сама себе – ее никто и никогда не заподозрил бы в таких проявлениях чувств, она всегда была ровной и улыбчивой, а тут вдруг так взвинтилась от вполне простого вопроса. Но и спустить спесивой Наталье подобные разговоры она тоже не хотела и не могла. Любое слово, не так сказанное в адрес Женьки, она воспринимала как личное оскорб-

ление.

Перебрав посуду, Даша решила пойти к Егорке и дать Гене возможность спуститься в кухню и перекусить.

Мальчик возился на ковре с машинками, а Гена, сидя рядом, то и дело подсовывал под колеса автомобильчиков то кубик от конструктора, то карандаш. Егорка сердился, отбрасывал препятствие и снова катил машинку.

– Егорушка, пусть дядя Гена пойдет поест, а мы с тобой поиграем, ладно? – Даша села на пол, и Егор пополз к ней, сразу запуская руку в карман ее фартука, где обычно лежала конфета. – Ну, нашел? – улыбнулась домработница, когда конфета перекечевала из кармана в рот Егорки. – Иди, Гена, там все на столе.

– Спасибо, Даша, я быстро. – Охранник поднялся и ушел вниз, а Даша притянула к себе мальчика, усадила на колени и обняла, уткнувшись лицом в темноволосую макушку:

– Родной ты мой... опять сиротой остался...

Егор притих, словно понимал, о чем говорит домработница, прижался к ней и засопел носом. Даша гладила его по спинке, а сама украдкой всхлипывала, отчаянно жалея мальчика, снова оставшегося без матери, на этот раз – приемной.

Хохол успел как раз к закрытию, Мышка спустилась вниз и пообещала вахтеру, что ее родственник покинет здание больницы не позднее девяти часов. В лифте она взяла Хохла за руку и прошептала:

– Расслабься, ты так нервничаешь, что это хорошо заметно. А Маринка всегда на эмоции чуткая была, не расстраивай ее.

Хохол передернул плечами, стараясь сбросить напряжение и успокоиться. Но сознание того, что сейчас он увидит свою девочку, свою любимую, совершенно беспомощную, безмолвную, не давало ему сделать этого.

Толкнув дверь, они вошли в палату, и Хохол сразу снял парик и отклеил усы, чтобы не пугать Марину своим видом. Он обошел кровать и сел так, чтобы попасть в поле ее зрения:

– Привет, котенок... узнала?

Синие глаза выразили какую-то эмоцию, не то радость, не то удивление, и сразу потухли, сделались равнодушными и пустыми. Хохол осторожно взял похудевшую руку, прижался губами к холодной коже:

– Замерзла, маленькая моя? Совсем холодные руки...

– Женья, я пойду в холл, посижу с книжкой, – подала голос Мышка. – Не буду мешать...

Он только отмахнулся, как от назойливой мухи, а сам все дышал на Маринины руки, пытаюсь согреть. Мышка тихонько вышла, плотно закрыв дверь, а Женька сбросил пиджак, поправил одеяло, дотянув его до Маринино подбородка, размотал бинты на лице и коснулся ее щеки пальцами:

– Котенок мой... улыбнись мне, я так давно не видел, как ты улыбаешься...

Марина перевела на него глаза, и взгляд вдруг сделался

каким-то злым, чужим. Хохол отпрянул – лицо Коваль стало почти уродливым.

– Мариша, котенок... что с тобой? Что я не так сделал? – Он наклонился и поцеловал ее в губы, почувствовав, как они дрогнули и зашевелились. – Я тебя обидел?

Он целовал ее все настойчивее, взял ее лицо в ладони, сбив белую косынку с обритой головы, коснулся губами едва пробившегося темно-русого ежика волос:

– Родная моя, как же я соскучился по тебе... Я устал жить один, устал просыпаться один, без тебя... Дома так пусто, котенок, так пусто...

Она вдруг прерывисто вздохнула, и Хохол обрадовался этому так, словно произошло что-то из ряда вон выходящее:

– Маленькая моя, ты только не расстраивайся, у нас все хорошо, просто... мне без тебя невыносимо. Мы не расстались так надолго уже давно, и я никак не могу привыкнуть. Но совсем скоро мы опять будем вместе, вдвоем, ты, я и Егорка. Я заберу тебя отсюда, буду на руках носить, помнишь, как тогда?

Он опять взял ее руку и стал гладить ею себя по лицу. Неожиданно Марина сжала пальцы, и длинные ногти впились в его щеку. Хохол скривился от боли, но руку не убрал, просто посмотрел ей в глаза. Хватка ослабла, узкая холодная ладонь легла на то место, где остались яркие царапины.

– Мне не больно, котенок... раздери хоть всю морду – только вернись ко мне, будь такой, как раньше... – Он при-

жал ее руку к лицу, и Марина не пыталась убрать ее, лежала и смотрела на него, а в углах глаз копились слезы. — Не плачь, не надо. — Хохол прилег рядом, прижался к ее похудевшему телу и осторожно обнял за талию. — Вот так... полежим с тобой, пока Мышка не вернулась.

Марина опять вздохнула, и Хохол теснее прижал ее к себе, уткнувшись лицом ей в шею над ключицей. Он вдыхал запах ее кожи и злился, что родной аромат перебивается резким больничным. Если бы мог, он забрал бы ее домой, немедленно, чтобы она была рядом, пусть даже такая, как сейчас. Он согласен был на все — носить ее на руках остаток жизни, ухаживать за ней, кормить с ложечки — да что угодно, только чтобы видеть каждый день, а не так, урывками, тайком, нацепив дурацкий парик, усы и очки. И пусть даже она никогда не стала бы прежней — только чтобы рядом...

Марина согрелась под его руками, пошевелилась, и Хохол, приподнявшись на локте, взглянул в ее лицо — она улыбалась, причем не плавающей улыбкой ничего не понимающего человека, а так, как умела только она... Женька почувствовал, как зашипало в носу, а глаза стали влажными. Он даже не постарался скрыть это от нее, все смотрел и смотрел до тех пор, пока ее лицо не начало расплываться от слез, замутивших его глаза и покотившихся по щекам. А Коваль продолжала улыбаться, глядя на любовника распахнутыми глазами...

...Заметив на щеке вернувшегося откуда-то поздно вечером Хохла длинные царапины, Даша ощутила прилив раздражения и даже какой-то ненависти. Вот они, мужики... Недолго горевал Женечка, нашел уже себе утешительницу – ишь, как морду-то расписала... И все, что говорил и делал Хохол до сегодняшнего момента, почему-то перестало казаться Даше замечательным.

– Кобелина блудливый, – пробормотала она, отправляясь к себе в комнату.

– Ты чего, Даша? – Кутивший на крыльце Женька тронул ее за плечо, но она дернулась в сторону:

– Ничего! Спать я пошла.

– Ну, иди... – растерянно протянул он, не понимая причины таких перепадов настроения.

И только потом, принимая душ и случайно увидев в зеркале расцарапанное Мариниными ногтями лицо, Женька понял, почему так вспыхнула спокойная обычно домработница.

– Эх, Дашка, знала бы ты, кто меня... – улыбнулся он, прикасаясь к красным полосам пальцем.

Три года спустя, Англия

Серое хмурое утро пробивалось в чуть приоткрытое окно спальни на втором этаже. По подоконнику барабанил мелкий дождь, уже отмывший за ночь и булыжную улочку, и первые мелкие листочки на аккуратно постриженных деревцах. В воздухе витал запах сырости. Именно сырости, а не свежести, как обычно бывает после дождя. Или это просто казалось?

– Зачем встала в такую рань? – удивился вернувшийся с пробежки Хохол, застав ее стоящей перед окном в спальне в шелковом халате и с сигаретой в пальцах.

– Не спится, – Марина сделала глубокую затяжку, выпустила дым красивым облачком. – Там как? – она кивнула за окно, и Хохол прижался к ней сзади, обнял холодными руками. – Сдурел?! Ты весь потный!

– И что?

– В душ вали, вот что!

– С удовольствием! – Он подхватил ее на руки и понес в ванную, встал в душевую кабину и включил воду свободной рукой.

Когда Марина совсем вымокла, Женька поставил ее на ноги, стянул халат и рубашку, разделся сам и снова притянул Коваль к себе, беря с полки губку и гель.

– Вот так... ну-ка... – Хохол повернул ее к себе спиной,

скользнул руками вверх от талии, обхватил грудь и просто-
нал на ухо: – Все, котенок...

– О, не трудись. Я соглашусь добровольно! – фыркнула
Марина, поворачиваясь и закидывая одну ногу ему на бед-
ро. – Ну, кого ждем?

Дальше можно было ничего не говорить...

...Завернув Марину в полотенце, Хохол уложил ее в
спальне на постель, а сам пошел варить кофе, попутно загля-
нув к Егору, который еще спал – было только восемь утра,
выходной, в школу не надо. С чашкой кофе на подносе он
вернулся наверх, опустил ношу на тумбочку и прилег рядом
с Коваль.

– Кофе, котенок, – шепнул он ей на ухо.

– Угу, – пробормотала она, не открывая глаз. – Спасибо.
Грегори спит?

– Спит еще.

Марина села, потянулась, сбросив полотенце, и взяла
чашку кофе. Сегодняшнее утро ничем не отличалось от вче-
рашнего, от недельной давности, от полугодичной...Mono-
тонное, однообразное течение жизни уже почти не раздража-
ло, хотя иной раз очень хотелось, чтобы произошло какое-то
событие и нарушило это спокойствие и порядок. Хохол по-
смеивался, когда Марина рассказывала ему об этом желании:

– Ну, чашку разбей, пусть Сара ковер почистит.

– При чем тут Сара? Я устала от этого болота, понимаешь?
Вокруг все стоит, ничего не меняется, не движется, просто

стоит колом – и все. Я не могу так жить...

– Тебе непременно нужно, чтобы все кипело и кровью заливало? Я специально увез тебя сюда, чтобы никакой движухи, чтобы просто жить, как все люди. У тебя даже нервишки почти в порядок пришли, так что все на пользу, – отрезал обычно Женька.

Сегодня Марина решила вернуться к этому разговору. Решив поехать в Россию, она не собиралась отступать. Хохол в последнее время возомнил себя хозяином в доме, взял в свои руки решение всех финансовых и других вопросов, хотя сам не работал – сказывался непреодолимый языковой барьер. Женька так и не смог выучить английский, объяснялся большей частью на пальцах, а потому и найти какую-то работу для него совершенно не представлялось возможным. Да и что он умел? Разве что головы отворачивать. Однако Марина не сопротивлялась, ей даже нравилось, что Женька решает все сам, в кои-то веки она не брала на себя то, что не должна женщина. Но в вопросе о поездке на родину она решила все-таки настоять на своем, хотя и видела, что ему это не нравится.

– Женья, – начала она, отставив пустую чашку и закурив. – Так что там с нашим разговором в отеле?

– А что? – спокойно откликнулся Женька, повернувшись на спину и забросив руки за голову. – Ты все-таки собираешься ехать?

– Я понимаю, что ты этому не рад, но собираюсь, да.

– Это глупо, Маринка, пойми. Даже твоя стрижка и блондинистый цвет не обманет тех, кто знал тебя давно и близко. А уж меня опознать вообще труда не составит.

– Значит, ты все-таки натворил там что-то такое, чего теперь опасаясь, – удовлетворенно констатировала Коваль, которую этот вопрос занимал уже пару лет. – Иначе чего тебе бояться?

– Ну, уж точно есть, чего! – фыркнул Хохол.

– Так расскажи мне.

– Незачем! – отрезал он. – И больше не спрашивай, я не хочу вспоминать, я все забыл.

Марина затушила сигарету, легла на бок, натянув простынь, уставилась на лежащего рядом любовника в упор, заставив отвернуться.

– Женя, ты ведь знаешь, если мне будет надо, я выну из тебя все, что захочу. Не вынуждай меня, я не хочу ссориться, мы и так делаем это слишком часто в последнее время.

– Марина, я тебя прошу – прекрати. – Хохол сел и вцепился руками в волосы. – Понимаешь – я не могу рассказать тебе, да и не надо – зачем тебе знать? Три года прошло, все утряслось и забылось...

– А раз забылось – к чему тайны? – спокойно поинтересовалась она.

– Слушай, ну почему ты такая, а? Почему тебе недостаточно знать, что я просто решил все проблемы и увез тебя сюда? Почему тебе непременно нужны подробности?

– Тот, кто владеет информацией, владеет миром – это не я сказала, мне не додуматься. Но мысль очень верная, кстати, – заметила Марина. – И потом – что такого ты сделал? Снес с лица земли наш чудный городок вместе с жителями? Вздернул Беса на флагштоке мэрии? Нет? Тогда вообще не вижу проблемы.

– Проблема в том, что я сам не хочу этого помнить, я, понимаешь – я, не хочу! Не хочу! – взревел Женька, выведенный из себя вопросами и тоном, которым они задавались. – Что у тебя за мода?! Начинает иголки под ногти загонять – что, да кто, да как?! Зачем тебе знать?!

– Ну, с иголками ты перебрал. Хорошо, ты можешь ничего мне не говорить. Я узнаю все сама.

С этими словами Коваль встала и пошла в гардеробную. Как обычно, предстояла поездка в парк с Егоркой, и в том, что им сегодня ехать придется вдвоем, Марина не сомневалась – Хохол по-настоящему разозлился.

Егорка сидел за барной стойкой с чашкой овсяных хлопьев, залитых молоком. Он был вполне самостоятельным парнем и такой легкий завтрак себе мог приготовить, не прибегая к помощи отца или матери.

– Привет, родной. – Марина чмокнула его в макушку. – Как хлопя?

– Хочешь? – Он протянул ей свою ложку, и Марина попробовала.

– М-м, отлично! Мед добавил?

– Ага, – кивнул Егорка, снова принимаясь за еду. – В парк поедем?

– Поедем. Если хочешь, можешь позвать с собой Алекса. Егор возмущенно отложил ложку:

– Мама! Ты что, забыла, что в парк мы ездим только втроем? Никаких Алексов!

– Я просто подумала, что с другом тебе было бы веселее, – улыбнулась она, садясь на высокий табурет и подтягивая к себе джезvu на спиртовке.

– Мне и с вами не скучно. А у Алекса послезавтра день рождения, меня пригласили. Будет клоун.

– Ну, значит, нужно подарок выбрать. Вот заодно и заедем. Ты уже знаешь, что подарить?

Егорка смешно сморщил нос:

– Мам, Алекс такой... скучный. Ему даже подарок выбрать просто – он коллекционирует медведей, представляешь? Больших и маленьких.

– По-твоему, это скучно? – поинтересовалась мать, отпивая кофе.

– А то! У него этих медведей целая комната, и миссис Стэнтон постоянно там убирается – пыль вытирает, пылесосит их. Зачем ему столько медведей?

– Грег, ну, может, ему нравится? Может, когда Алекс вырастет, он будет изучать медведей?

– Фууу! – сморщился сын. – Разве это работа?

– А что, по-твоему, работа? – с улыбкой спросила Марина.

– Я буду строить дома. Как мой настоящий папа, – твердо заявил Егорка, и улыбка сползла с Маринино лица:

– Грег! Я, кажется, ясно сказала, что не желаю, чтобы ты так говорил! Что значит – настоящий папа? А кто тогда Женья?

– Он тоже папа. Но другой.

Марина шарахнула кулаком по столешнице так, что подпрыгнула и спиртовка с джезвой, и чашка, и даже тарелка с хлопьями. Егорка сжался, втянул в плечи голову, но глаз от искаженного гневом лица матери не отвел.

– Я просила тебя! Ты не понимаешь?! Или собственное слово держать не можешь?! Тогда что ты за мужик?!

Егор молча слез со стула и побежал к себе в комнату, чтобы мать не увидела, как он плачет. Коваль обхватила голову руками: «Я воспитываю его по каким-то пацанским понятиям... Господи, что я делаю, ему всего пять лет, а я требую от него, как от Женьки...»

– Что, и здесь накосычила? – насмешливый голос Хохла заставил повернуться и отвлечься от мыслей о воспитании сына. – Что ты ему опять сказала такого, что он ревет в комнате?

Марина только рукой махнула и закурила.

– Ну, что ты за человек, Маринка? Не можешь, когда все спокойно и хорошо? Нужно, чтобы постоянно все в тонусе были? Ребенок-то что сделал?

Она прижалась лбом к его плечу и пробормотала:

– Мы опять про Малыша разговаривали...

– Ясно – на том и поругались. Ты не можешь не реагировать на его слова, а?

– Не могу! Я не хочу, чтобы он постоянно говорил о том, что ты ему не отец.

– Значит, надо было сразу молчать, теперь-то что? – спокойно отозвался Женька, поправляя серьгу в ее ухе. – Я не реагирую – а ты чего заводишься? У него это скоро пройдет, вот увидишь.

Марина вдруг заплакала, бросив сигарету в пепельницу и всхлипывая, как ребенок. Женька взял салфетку и принялся вытирать ей слезы:

– Ну, что опять? Не плачь. Сейчас поедем гулять, подышишь воздухом, отдохнешь... Потом соберем бумаги, а в понедельник поедем в консульство – и куда там еще надо.

Марина не поверила – неужели... Неужели он решился ехать?! Она подняла глаза, и Хохол сразу же предупредил:

– Но поедем только в Москву к отцу. Об остальном даже не заикайся, поняла?

– Да...

– Ну и молодец. Теперь иди, миришь с сыном, поехали – и так уже полдня прошло.

Три года назад, Россия

Пятый день лил дождь. Вот тебе и начало июня – залило все, что можно, до гаража невозможно дойти, не надев резиновых сапог. Егорка все время куksился и ныл, выматывая нервы и себе, и окружающим. Няня неожиданно уволилась. Это стало неприятным сюрпризом, Хохол даже растерялся:

– Наталья Марковна, случилось что-то?

– Нет... просто... словом, я хотела бы получить расчет, Евгений Петрович.

По ее глазам Женька видел, что женщина просто не хочет говорить об истинных причинах своего внезапного увольнения, но спорить и уговаривать не стал – у него не было на это сил и времени. Поэтому он молча подписал рекомендацию и выдал няне положенную сумму денег. Теперь перед ним встал вопрос – что делать дальше? Искать новую няню смысла не было – в Москве Маринин отец уже готовил документы на выезд в Англию, но и сидеть с Егором Хохол тоже не мог: на днях должна была состояться сделка по продаже контрольного пакета акций «МБК». Да и с Ревазом он еще не подвел итоги.

– ...Мать твою! И что этой курице старой не работалось? – пробормотал он, сидя на кухне с сигаретой.

Стоявшая спиной к нему у плиты Даша внезапно повернулась и, виновато теребя передник, сказала:

– Женя... это, наверное, я виновата... Мы тут поговорили с Наташей... словом, я ей высказала кое-что...

Хохол ткнул в пепельницу окурок и с интересом уставился на домработницу:

– Ну-ка, ну-ка... Что высказала? Садись-ка. – Он ухватил Дарью за край передника и подтянул к столу. – Чаю хочешь?

Даша отрицательно покачала головой, но за стол села, сложила руки на столешнице и проговорила:

– Жень... может, я и не так что-то сказала, не знаю... Но и слушать ее бредни тоже не смогла. Какое ей дело до того, какое у тебя образование? Какое дело до того, судим ты или нет? Разве это как-то касалось ее работы? Нет, не касалось. Так и нечего тут...

Хохол изумленно взирал на домработницу, не веря своим ушам. Отхлебнув чаю из большой керамической чашки, он опять потянулся к сигаретам, закурил, а потом спросил:

– Так ты за меня обиделась, что ли? Ну, ты даешь, Дашка!

– Женя, да дело не в том! Просто нельзя осуждать людей, которые тебе зла не делали! Ну и что, что у нее какое-то там высшее образование – по поступкам судя, она как была неграмотной, так и осталась! – возразила Даша. – Я от этого просто с ума сошла, ну и наговорила ей...

– Дашка-Дашка! – захохотал Хохол, вставая из-за стола и обнимая домработницу сзади за плечи. – Добрый ты человек! А я думал, что ты меня в последнее время не очень-то...

Даша похлопала его по руке:

– Женя, мое отношение к тебе – это мое личное... Да, честно скажу – в последнее время ты странный стал... Скажи, завел кого-то? – Она запрокинула голову и попыталась поймать Женькин взгляд.

Хохол растерялся – не ожидал такого прямого вопроса, а придумать отмазку не успел, да и не думал, если честно, что она потребуется – Даша никогда не лезла в личную жизнь хозяев.

– Молчишь? – тихо и укоризненно проговорила домработница, освобождаясь от его рук и вставая из-за стола. – Эх ты, Женя... – И вышла из кухни, а через пару минут хлопнула входная дверь.

Хохол сцепил руки на затылке и простонал, задрав к потолку голову:

– Котенок... ну, за что мне это, а?! Ведь это ты... ведь нет никого больше – ты только... И сказать я не могу даже Дашке. Так и будет теперь волком смотреть...

Он просидел в кухне до полуночи, курил и разговаривал сам с собой тихим шепотом. Вернее, разговаривал с Мариной, но со стороны это выглядело именно как диалог Хохла и Хохла. Если бы кто-то зашел в кухню, то решил бы, что Женька сошел с ума. Но именно этот разговор подсказал ему, как поступить с Ревазом. Наковальня была бы довольна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.